

НОМЕР БЕЗ ГОСТЯ

КИРИЛЛ МОСТОВОЙ

Кирилл Мостовой

Номер без гостя

«Автор»

2026

Мостовой К.

Номер без гостя / К. Мостовой — «Автор», 2026

Риелтор Артём Горин приходит на показ номера 614 и обнаруживает там пожилую пару, хотя по документам апартаменты пусты. Через час жильцы исчезают, электронный журнал отрицает его вход, покупательница отказывается от встречи, а фотографии на телефоне показывают пустую комнату. Доказать случившееся невозможно — зато каждое сомнение в памяти Артёма становится новым доводом против него в споре об участии в жизни девятилетней дочери. Единственный человек, которому он по-прежнему доверяет, — близкая подруга Марина. Но чем точнее она объясняет его провалы, тем страшнее вопрос: откуда ей известны детали, которых он не рассказывал? Чтобы защитить дочь, Артёму придётся отказаться от образа безупречного свидетеля, признать старую ложь и собрать правду, которая не зависит от его памяти. Даже если эта правда лишит его работы и не даст ответов на всё.

© Мостовой К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Шесть четырнадцать	6
Глава 2. Пустая карточка	10
Глава 3. Ни одного входа	16
Глава 4. Правильная подруга	20
Глава 5. Суббота Сони	24
Глава 6. Чужая фотография	29
Глава 7. Ночной администратор	36
Глава 8. Пятый этаж	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Кирилл Мостовой

Номер без гостя

От автора

Память редко существует отдельно от доказательств. Мы сверяем её с сообщениями, фотографиями, чужими словами, временем на экране и привычным порядком вещей. Если несколько таких опор одновременно говорят, что события не было, человеку приходится выбирать: не доверять миру или не доверять себе.

«Номер без гостя» — роман о цене этого выбора. Его герой не обладает особым даром и не ищет тайный проход в другую реальность. Он работает с помещениями, документами и людьми, а значит, привык считать несоответствие задач, которую можно измерить. Но самой опасной уликой становится его желание выглядеть безупречно там, где честнее признать провал.

Все персонажи, организации и события вымышлены. Технические и административные детали служат сюжету и не являются инструкцией. Вопросы здоровья, безопасности ребёнка и правовых решений в романе не подменяются самодиагностикой или гарантированным исходом.

Эта история начинается с открытой двери. За ней находятся люди, которых через час не окажется ни в комнате, ни в журнале, ни в воспоминаниях единственного свидетеля. Останется лишь вопрос: что должен потерять человек, чтобы его правда стала проверяемой?

Глава 1. Шесть четырнадцать

Ключ от номера 614 лежал в конверте с надписью «пустой».

Артём проверил это слово ещё в лифте. На показах он проверял всё дважды: номер, этаж, время, имя клиента, заряд телефона. Ошибка в одном пункте превращала квартиру в чужую дверь, а риелтора — в человека, которому нельзя доверять более дорогую вещь.

На шестом этаже пахло свежей краской и кофе. В «Контуре» даже запахи казались корпоративными: одинаковыми утром, днём и после полуночи. Ева Руднева шла на полшага позади, будто заранее решила, сколько секунд даст каждому помещению.

— Шесть четырнадцать — с окнами во двор? — спросила она.

— Во внутренний сад. Пятьдесят восемь и четыре десятых метра, кухня-ниша, отдельная спальня. Номер выведен из размещения.

Все двенадцать лотов Артём знал по площади и проблемам. В 607 темнел угол после протечки, в 622 шумела вентиляция, а 614 считался лучшим: новая отделка, ни одного действующего гостя.

Он приложил универсальную карту к считывателю. Загорелся красный огонёк. На телефоне было 18:16, маршрут действовал до 19:30.

— Секунду.

Ева посмотрела не на дверь, а на него. Она представляла семейный офис, который мог купить семь апартаментов. Для неё секунда была показателем подготовки.

Артём достал вторую карту. На ней маркером написали «614», хотя служебные карты обычно не подписывали. Зелёный огонёк вспыхнул сразу. Замок щёлкнул.

Изнутри кто-то сказал:

— Не заперто.

Мужской голос звучал раздражённо не от страха, а от повторения.

— Номер выведен из размещения? — спросила Ева.

— Да.

Артём постучал.

— Добрый вечер. Служба продаж. У нас согласованный осмотр.

— Какой ещё осмотр? — отозвалась женщина. — Витя, не открывай.

В приложении по-прежнему значилось: 18:15–18:35, апартамент 614, статус «свободен».

Под ним стояла зелёная отметка службы размещения и фамилия Сафронова.

На стойке ответили после шестого гудка.

— «Контур», администратор Полина.

— Это Горин, служба продаж. Шестой этаж, 614. Здесь жильцы.

В трубке стало тихо.

— Повторите номер.

— Шесть четырнадцать.

— Апартамент свободен с одиннадцатого числа.

Из-за двери донёсся сухой кашель. Артём включил громкую связь.

— Я слышу людей внутри.

— Подождите. Я свяжусь с размещением.

Связь оборвалась.

Рядом с дверью стояла латунная ваза с двумя тростями: складной чёрной и деревянной, с потёртой рукоятью. Артём сфотографировал дверь, вазу и экран приложения. Телефон показал 18:18.

— Фиксируете? — спросила Ева.

— Чтобы не спорить потом, кто ошибся.

— Уже понятно, кто.

Она не сказала «вы», и от этого прозвучало хуже.

Дверь открылась на ширину цепочки. В щели показался мужчина с белыми волосами и тяжёлым лицом. На нём была клетчатая рубашка, застёгнутая не на ту пуговицу.

— Я сказал: мы никуда не уедем, — произнёс он. — Хоть каждый день водите покупателей.

— Мы не знали, что номер занят. Я сейчас выясню и уйду.

— Вы вчера то же самое выясняли.

Артём посмотрел на Еву.

— Я вчера здесь не был.

— Конечно.

За его плечом появилась невысокая женщина в синем халате. В руке она держала коробку с таблетками.

— Девушка, не покупайте, — сказала она Еве. — Тут людей вместе с мебелью продают.

— Меня зовут Ева Руднева. Вы снимаете этот апартамент у управляющей компании?

— Мы здесь живём.

— На каком основании?

Мужчина дёрнул цепочку.

— А вы на каком основании спрашиваете?

— Алла, — сказала женщина. — Меня зовут Алла Петровна. Его Виктор Сергеевич. Запишите правильно.

Артём открыл заметки. Пальцы набрали фамилию раньше, чем женщина её произнесла. Крыловы.

На экране стояло: «Виктор и Алла Крыловы, 614». Он не понимал, откуда взялась фамилия. Возможно, слышал её на совещании, но утренний файл содержал только номера, площади и даты освобождения.

— Крыловы? — спросил он.

Алла Петровна прищурилась.

— Значит, всё-таки знаете.

— Мы третий месяц здесь. Нас переселили с четвёртого. Обещали не трогать до конца спора, а теперь каждые два дня кто-нибудь открывает дверь.

— Кто переселил?

— Ваш Олег Сафронов.

Фамилия совпадала с отметкой в маршруте.

— Покажите договор, — сказала Ева.

— Не обязана.

— Не обязаны. Но если хотите, чтобы факт проживания нельзя было стереть, нужен хотя бы документ с номером.

Виктор Сергеевич посмотрел на жену и снял цепочку.

— Пусть зайдут. Пять минут. Может, хоть эта дама не соврёт.

Артём должен был вывести Еву и дожидаться размещения. Но в 19:10 он обещал забрать девятилетнюю Соню с занятий. Дорога занимала тридцать пять минут. Пять минут ещё оставляли запас.

— Только если вы оба согласны. Мы ничего не открываем и не снимаем лица.

Из номера пахло жареным луком, аптечной мазью и жилым теплом. На крючке висели два пальто, у стены стояла тележка с книгами, в глубине горела лампа под зелёным абажуром. На подоконнике теснились горшки с рассадой, на диване лежал плед с заштопанным углом.

Артём сфотографировал комнату без лиц.

— Я не давала разрешения, — сказала Алла Петровна.

— Простите. Мне нужно зафиксировать, что номер занят, чтобы сюда больше никого не приводили.

— Уже фиксировали.

На столе лежала гостевая карточка. В верхней строке значилось 614. Поля имени, даты въезда и выезда были пустыми. Внизу стоял штамп «Меридиан-Сервис» и быстрая подпись, похожая на букву «С».

— Можно взять как подтверждение?

— Берите. Нам новую всё равно не дают.

Виктор Сергеевич показал пластиковый ключ без номера.

— Это открывает дверь. Пока открывает.

Ева изучала уже не отделку, а следы длительности: лекарства, квитанции, календарь с зачёркнутыми днями.

— Почему не обратитесь письменно?

— Обращались. Письма возвращаются. В личном кабинете нас нет.

В коридоре хлопнула дверь лифта. Алла Петровна вздрогнула, коробка выпала, таблетки рассыпались по ковру.

В дверях появился молодой администратор с бейджем «Лев Шатов».

— Добрый вечер. Вы ошиблись номером.

— Нет, — ответила Ева. — Не ошиблись.

Лев увидел комнату. Нижняя губа прижалась к зубам.

— Нам сообщили о гостях в 614.

— Вы их видите, — сказал Артём.

— Вижу.

— Назовите их.

Лев посмотрел на Крыловых.

— Я должен проверить журнал.

— Проверяйте здесь.

— Терминал на стойке.

— Тогда сначала составим акт присутствия.

— У меня нет полномочий.

— У кого есть? — спросила Ева.

— У начальника размещения. Олега Петровича.

— Сафронова, — сказала Алла Петровна. — Конечно.

Артём посмотрел на часы: 18:27. Потом вложил карточку гостя в прозрачный карман рабочей папки и показал Еве.

— Вы видите, куда я её положил?

— Вижу.

— Лев?

— Вижу, — тихо ответил администратор.

Артём сделал ещё снимок гостиной и проверил миниатюру в галерее.

— Мы спускаемся вместе. На стойке распечатаете статус номера и вызовете Сафронова. До выяснения никаких показов.

Он почувствовал облегчение от знакомого порядка: факт, документ, свидетели, подписи. Любую ошибку можно ограничить, если быстро дать ей имя.

— Я останусь, — сказала Ева. — Хочу задать Крыловым два вопроса без службы продаж.

— Я не могу оставить клиента в помещении с несогласованными жильцами.

— Вы не можете оставить взрослого человека там, где он решил остаться?

Артём спросил согласия Крыловых. Виктор кивнул. Ева положила на стол визитку.

— Встретимся в лобби через десять минут.

Телефон завибрировал.

«Пап, мы закончили раньше. Ты где?»

Следом от Ирины: «Я не смогу забрать. Ты подтвердил ещё утром».

Навигатор уже показывал сорок две минуты до студии.

— Составьте акт без меня, — сказал Артём Льву. — Ева Вадимовна подпишет. Я заберу копию утром.

— Мне нужно согласовать.

— Согласуйте. Но сначала зафиксируйте людей и приостановите маршрут.

Крыловым он пообещал вернуться завтра в девять.

— Вы уже так говорили, — ответил Виктор Сергеевич.

— Я здесь впервые.

— Тогда кому вы это обещали вчера?

Лев резко поднял голову.

Артём не ответил. Он показал Еве папку с карточкой, дождался кивка и вышел.

У лифта он отправил Соне: «Уже еду. Прости. Буду в 19:18». Сообщение отметилось одним серым значком. Связь исчезла.

Он обернулся. Лев стоял у двери 614 и смотрел на камеру. Ева держала телефон перед собой. В щели между дверью и косяком виднелся зелёный свет лампы.

Артём сделал последний снимок коридора.

В лифте сеть вернулась. Навигатор изменил расчёт на 19:26.

Он позвонил Соне. Ответила Ирина.

— Где ты?

— Выхожу с показа. Там проблема с жильцами.

— Какими жильцами?

— В номере, который должен был быть пустым.

Пауза длилась меньше секунды, но Артём услышал, как нелепо это звучит.

— Соня ждёт у охраны. Преподаватель останется до семи двадцати. Потом мне придётся искать, кто её заберёт.

— Я буду в семь двадцать шесть.

— Ты обещал быть в семь десять.

— Знаю.

— Если бы знал, позвонил бы до конца занятия.

Двери открылись в лобби. Стойка была пуста. На мониторе виднелась таблица размещения. Артём нашёл строку 614.

Статус: «свободен».

Последний выезд: одиннадцатое число, 09:42.

Последний вход гостевой картой: отсутствует.

На столе стояла бутылка воды с бумажной полоской «для службы продаж». Артём отвинтил крышку и сделал несколько глотков. Вода была тёплой и отдавала пластиком.

Он сфотографировал экран. В галерее рядом находились дверь, трости, гостиная Крыловых и карточка без имени.

Пять изображений. Два свидетеля. Один администратор. Материальный документ в папке.

Этого было достаточно, чтобы ошибка не исчезла.

Артём закрыл бутылку и побежал к выходу.

Глава 2. Пустая карточка

Когда Артём добежал до студии, охранник уже держал дверь открытой.

Соня сидела на низком подоконнике, прижав к груди рюкзак. Рядом стояла преподавательница Вера Павловна в пальто поверх репетиционной футболки. Ирина приехать не успела, но успела позвонить всем троим.

— Двадцать две минуты, — сказала Вера Павловна.

— Двадцать шесть, — поправил Артём, взглянув на телефон. — Простите.

Он не стал объяснять про жильцов в свободном номере. Объяснение не возвращало взрослого туда, где он обещал быть.

Соня поднялась сама и не дала ему забрать рюкзак.

— Мамина соседка уже выехала, — сказала она. — Но мама сказала ждать тебя.

— Правильно сказала.

— Ты забыл?

— Нет. Задержался и поздно предупредил.

Он произнёс это ровно, без слова «просто». Ирина ненавидела это слово: просто пробка, просто звонок, просто пять минут. Пять минут всегда оказывались чужими.

В машине Соня пристегнулась и поставила рюкзак между кроссовками.

— Есть будешь?

— У мамы.

— Можем взять лапшу.

— Мне нельзя соглашаться на вкусное, когда ты виноват.

Артём завёл двигатель не сразу.

— Кто тебе так сказал?

— Никто. Я сама поняла.

Он хотел возразить, но телефон завибрировал. На экране высветилось имя Льва. Артём включил громкую связь, успев сказать только «я с дочерью».

— Артём Сергеевич, вам нужно вернуться, — быстро проговорил администратор. — Олег Петрович приехал. В шестьсот четырнадцатом никого нет.

— Ева Руднева там?

— Нет.

— Крыловы?

— Я сказал: никого.

— Вы составили акт?

В динамике послышался чужой голос. Не слова, только низкая интонация. Лев ответил кому-то в стороне и уже тише сказал:

— Приезжайте, если хотите зафиксировать состояние номера.

Связь оборвалась.

Соня смотрела на него.

— Какие Крыловы?

— Люди из квартиры, которую я показывал.

— Они потерялись?

— Не знаю.

— Ты опять поедешь туда?

— Нет. Сначала отвезу тебя маме.

Он написал Льву: «Буду после 21:00. Ничего не трогать. Сохранить записи камер с 18:00». Сообщение получило две галочки, но ответа не было.

Ирина ждала у подъезда. В домашней куртке и без шапки, хотя моросил холодный дождь. Соня вышла, поцеловала Артёма в щёку и сразу побежала к двери. Ирина проводила её взглядом, дождалась, когда та скроется в подъезде.

— Что случилось на самом деле?

— На показе обнаружили жильцы. Номер числился пустым. Пришлось вызвать администратора.

— И нельзя было набрать меня?

— Нужно было. Я думал, успею.

— Ты всегда думаешь, что успеешь, пока время принадлежит кому-то ещё.

Она не повышала голоса. Артём предпочёл бы крик: на крик можно было ответить, а точное предложение оставалось стоять между ними.

— Я признаю, что виноват.

— Хорошо. В пятницу у школьного психолога встреча по адаптации. Ты записал?

— В восемнадцать тридцать.

— В восемнадцать. Я пересылала письмо.

Он открыл календарь. Там стояло 18:30. Под событием — пометка, созданная им самим две недели назад. Ирина показала письмо: 18:00.

— Исправлю.

— Исправь сейчас.

Артём изменил время при ней.

— Ты устал? — спросила Ирина.

— Как все.

— Я не про всех.

— Я в порядке.

Ответ вышел слишком быстрым. Ирина посмотрела на него так, будто запомнила не слова, а скорость.

— Напиши, когда доедешь домой.

Она ушла. Артём вернулся в машину и открыл рабочую папку на пассажирском сиденье. Прозрачный карман был пуст.

Он перебрал листы. Маршрут показа, планы этажей, копии доверенности, памятка для покупателя. Карточка могла прилипнуть к бумаге, выскользнуть в лифте, остаться на стойке. Артём проверил под сиденьем, между дверью и порогом, в карманах пальто. Ничего.

Он помнил, как положил карточку в карман. Помнил собственный вопрос: «Вы видите?» Помнил кивок Евы и лицо Льва.

Но молния кармана была застёгнута.

В 21:07 Артём вошёл в «Контур». Дождь превратил стеклянный фасад в тёмный экран. За стойкой стояли Лев и мужчина с фотографии на корпоративном сайте — Олег Сафронов, начальник размещения.

Сафронов оказался ниже, чем казался на снимке. Серый костюм сидел без складок, будто человек приехал не из дома, а вышел из шкафа вместе с вешалкой.

— Горин? — спросил он. — Наконец-то.

— Где жильцы?

— Какие жильцы?

— Виктор и Алла Крыловы. Номер 614.

Лев не поднял глаз.

— Я приехал после звонка администратора, — сказал Сафронов. — Номер закрыт, следов проживания нет. Вы сорвали показ и оставили потенциального покупателя без сопровождения.

— Ева оставалась с ними.

— Госпожа Руднева покинула здание в восемнадцать двадцать одну.

— В это время она была в номере.

Сафронов развернул монитор. На экране стоял кадр с турникета: женщина в светлом пальто проходит к выходу. Лица под углом не было видно. В правом верхнем углу — 18:21:08.

— Это не доказывает, что это Ева.

— Карта посетителя зарегистрирована на неё.

— Карта могла быть у другого человека.

— Могла. Только зачем?

Вопрос прозвучал почти сочувственно.

Артём положил папку на стойку.

— Здесь была гостевая карточка из 614. Без имени и дат, со штампом «Меридиан-Сервис». Лев видел, как я её забрал.

Сафронов посмотрел на администратора.

— Видел карточку?

Лев сглотнул.

— Артём Сергеевич что-то положил в папку.

— Что именно?

— Я не рассматривал.

— Вы стояли в метре, — сказал Артём.

— Я видел белый бланк.

— И двух людей за дверью.

Лев посмотрел на Сафронова, потом на монитор.

— Дверь была открыта. В комнате горел свет.

— Людей вы видели?

Пауза была достаточно долгой, чтобы ответ перестал что-либо значить.

— Не уверен.

Артём почувствовал не злость, а холодное облегчение. Вот оно: не ошибка номера и не сбой программы. Лев боялся назвать то, что видел. Страх был фактом, который пока нельзя внести в акт.

— Поднимемся, — сказал Артём.

Сафронов взял со стойки карту.

— Именно за этим я вас ждал.

В лифте он спросил:

— Вы принимали сегодня лекарства?

— Нет.

— Алкоголь?

— Нет.

— Бывают приступы мигрени?

— К чему вопросы?

— К тому, что вы сообщили о посторонних в пустом помещении. Служба безопасности обязана учитывать самочувствие сотрудника подрядчика.

— Я не ваш сотрудник.

— Тем более.

На шестом этаже латунная ваза стояла справа от двери. Тростей в ней не было. Артём остановился.

— Здесь были две трости.

— Это декоративная подставка, — сказал Сафронов.

Он приложил карту. Зелёный свет. Вошёл первым и включил все лампы.

Номер был пуст.

Не пуст так, как бывает после отъезда: с вмятиной на подушке, забытой зарядкой, влажным кругом под стаканом. Пуст как подготовленный образец. Серый диван без пледа. Чистый стол. На подоконнике ни одного горшка. У стены — место для тележки, обозначенное только более светлой полосой на ковре, и то Артём не мог поручиться, что видел её при первом осмотре.

Зелёная лампа осталась. Теперь её абажур был молочно-белым.

— Абажур заменили, — сказал Артём.

— За два часа?

— Здесь был зелёный.

— Посмотрите ваши фотографии.

Артём открыл галерею.

Первый снимок показывал дверь 614 и пустую вазу. Второй — пустую гостиную. Третий — белый абажур на тумбе. На четвёртом была стойка с открытой строкой номера. Пятый изображал коридор и закрытую дверь.

Ни тростей. Ни Крыловых. Ни лекарств на ковре. Ни карточки на столе.

Он пролистнул назад, потом вперёд. Время совпадало: 18:18, 18:22, 18:25, 18:29, 18:34. Место съёмки определялось как «Контур».

— Это не мои фотографии.

Сафронов не подошёл ближе.

— Телефон ваш?

— Мой.

— Снимки на нём?

— Сейчас — да.

Лев стоял у входа. Артём протянул ему экран.

— Вы видели, как я фотографировал Крыловых.

— Вы держали телефон, — ответил Лев.

— На миниатюре была гостиная с людьми.

— Я не смотрел на миниатюру.

Это могло быть правдой. Артём помнил, что проверял снимок сам, но не помнил, показывал ли экран кому-нибудь. Память поспешно заделывала дыру уверенной деталью, и от этого стало страшнее, чем от пустого номера.

Он открыл сведения о втором файле. Устройство — его телефон. Редактирование не отмечено. Синхронизация с облаком выполнена в 18:38, когда он ехал к Соне.

— Записи камеры в коридоре, — сказал Артём. — С восемнадцати до девятнадцати.

— Запросите официально через вашу компанию, — ответил Сафронов.

— Они перезаписываются?

— Через семьдесят два часа.

— Тогда сейчас зафиксируйте требование о сохранении.

Сафронов достал телефон.

— Диктуйте.

Артём продиктовал фамилию, время и перечень записей. Сафронов отправил письмо на общий адрес службы безопасности и показал экран. В копии стояли Артём и руководитель отдела продаж.

Правильное действие, сделанное слишком охотно.

— Осмотрите ванную, шкафы, — предложил Сафронов. — Чтобы утром не оказалось, будто мы вам запретили.

В шкафу висели четыре пустые деревянные вешалки. В холодильнике лежали две бутылки воды с бумажными полосками «для службы продаж». Ванная была сухой. На белой плитке у раковины Артём заметил тёмную нитку, наклонился и понял, что это волос.

- Здесь есть следы людей.
- В гостиничном номере? Поразительно.
- Артём выпрямился.
- Кто убирал номер после восемнадцати?
- Никто. Он подготовлен утром.
- Покажите журнал уборки.
- Завтра, с остальными документами.

Сафронов вышел. Лев задержался у двери, будто хотел что-то сказать. Артём дождался, пока шаги начальника стихнут у лифта.

— Вы мне звонили, — напомнил он. — Сказали, что номер пуст. Значит, до этого вы видели его не пустым.

- Я сказал приехать зафиксировать состояние.
- В записи звонка есть первая фраза.
- Лев быстро посмотрел на его телефон.
- У вас записываются звонки?
- Нет.
- Тогда не говорите, что есть.
- Я и не говорил.

На лице Льва появилось выражение человека, который слишком поздно заметил ступеньку.

- Вам нужно уйти, — сказал он.
- Ева спускалась при вас?
- Я вернулся к стойке в восемнадцать тридцать семь.
- Кто оставался на этаже?
- Лев покачал головой.
- Завтра всё будет в журнале.
- А сегодня?
- Сегодня я хочу сохранить работу.

Он вышел следом за Сафроновым.

Артём остался один. Пустота номера была устроена слишком тщательно, но именно поэтому в ней хотелось искать доказательство чужой работы: царапину от тележки, землю от горшков, таблетку под диваном. Он включил фонарь и медленно прошёл от окна к двери.

Под столом блеснул белый уголок.

Карточка лежала у самой стены. Такой же бланк, какой дала Алла Петровна: номер 614, пустые поля имени и дат, штамп «Меридиан-Сервис», подпись буквой «С».

Артём не коснулся её. Сфотографировал общий план, затем карточку крупно. На экране она была видна.

Он позвал Льва. Никто не ответил.

Тогда Артём включил видео, назвал дату, время и место. Не прерывая записи, присел и подцепил карточку краем чистого листа. Перевернул.

Оборотная сторона была пустой.

На карточке Крыловых Алла Петровна шариковой ручкой вывела номер телефона. Артём видел, как синяя линия пересекла печатную рамку. Или ему казалось, что видел: он не помнил самого движения ручки, только цифры, которых теперь не было.

Он закончил запись и сразу отправил файл в рабочую почту, себе и Марине Левиной. Марина умела смотреть на документы без восторга и без паники. Если Артём пропустил очевидное, она скажет.

В теме он написал: «614. Нужна независимая копия».

Карточку он поместил в новый файл, заклеил край бумажной лентой и расписался поперёк. Потом сфотографировал упаковку.

На первом снимке под столом белел прямоугольник.

На втором карточка лежала крупным планом.

На видео Артём протягивал руку под пустой стол — и поднимал чистый лист без номера, штампа и подписи.

Он вскрыл файл. Внутри находилась не гостевая карточка, а обрезок офисной бумаги.

Артём долго держал его двумя пальцами. Сердце билось ровно, почти медленно. Паника пришла бы, если бы он сомневался во всём сразу. Но одна вещь оставалась точной: письмо ушло трём адресатам.

Он открыл отправленные.

Письмо было на месте. Вложение весило сорок восемь мегабайт. Тема совпадала.

Артём скачал файл из письма и запустил.

На видео он вошёл в пустой номер, назвал дату, время и место, присел у стола и поднял с пола чистый лист.

Никакой карточки в кадре не было.

Телефон завибрировал.

Марина ответила: «Вижу. Не оставайся там один. Ничего больше не трогай. Позвони мне».

Ни слова о карточке.

Артём посмотрел на обрезок бумаги в руке. Потом — на белый абажур, пустой подоконник и две одинаковые бутылки в холодильнике.

Он не знал, какой из фактов исчез первым.

Но кто-то уже знал, что он станет искать.

Глава 3. Ни одного входа

Марина приехала через двадцать минут и не стала обнимать Артёма.

Она остановилась в дверях 614, сняла на телефон номер, замок и его лицо одним медленным движением.

— Теперь рассказывай. С самого начала и только то, в чём уверен.

Артём рассказал. Марина не перебивала, только разделяла лист в блокноте вертикальной чертой. Слева писала «видел», справа — «вывод».

— Карточка была в папке, — сказал он.

— Ты видел, как положил её?

— Да.

— Видел её после того, как вышел из номера?

Артём вспомнил, как показывал папку Еве у двери. Саму карточку сквозь пластик он тогда не проверял.

— Нет.

Марина записала это справа.

— Не превращай меня в пациента.

— Я превращаю рассказ в то, что переживёт чужой вопрос. Это разные вещи.

Она попросила показать исходные файлы, облако, корзину и историю входов в аккаунт. В истории значился только телефон Артёма. Пять фотографий пустого номера загрузились в 18:38. Версий у файлов не было.

— Менял пароль?

— Месяц назад.

— Двухфакторная защита?

— Да.

— Тогда утром выгружаем журнал дверей. Не просим скриншот, просим файл с подписью системы и сопроводительное письмо. И отдельно — маршрут посетителя.

— Сафронов всё подготовит.

— Тем лучше. Ложь полезна, когда человек вынужден выбрать точную версию.

У лифта Марина купила в автомате две бутылки воды. Одну открыла сама, вторую протянула Артёму.

— Не хочу.

— Разумно. Хотя опечатанная бутылка безопаснее всего, что стояло в служебном холодильнике.

Он посмотрел на неё.

— Почему ты решила, что вода важна?

— Ты сказал, что после неё не помнишь дорогу до студии.

— Я сказал, что плохо помню два светофора.

— Именно.

Марина улыбнулась устало, будто они снова сидели после сложной сделки и разбирали ошибку младшего брокера.

— Сегодня не садись за руль. Я отвезу.

Артём согласился. Это было разумно. От этого согласие ощущалось как первая уступка человеку, который утверждал, что он не вполне надёжен.

Утром его ждали в переговорной «Контура». На столе лежали три распечатки, флешка в запечатанном пакете и акт вчерашнего осмотра. Сафронов привёл начальника безопасности Дениса Малеева. Марина села рядом с Артёмом, но представилась независимым консультантом по сделке.

— Начнём с карты господина Горина, — сказал Малеев. — Идентификатор заканчивается на сорок семь. За вчера: вход через служебный турникет в семнадцать пятьдесят девять, лифт до пятого этажа в восемнадцать ноль семь, выход в восемнадцать тридцать шесть.

— До пятого? — переспросил Артём.

— Именно.

На распечатке стояли строки: турникет, кабина номер два, этаж 5. Ни шестого этажа, ни двери 614.

— Я вышел на шестом.

— В журнале этого нет.

— Дверь открыла другая карта. С надписью «614».

Сафронов сложил руки.

— Выдача запасной карты не зарегистрирована.

— Она лежала в конверте маршрута.

— Конверт у вас?

Артём достал его из папки. На лицевой стороне было написано «пятый этаж». Внутри лежала карта без маркировки.

Он перевернул конверт. Вчера на нём было слово «пустой». Или слово стояло на внутреннем листе? Он видел его так ясно, что мог назвать наклон буквы «с», но перед ним лежала другая надпись.

Марина коснулась его локтя.

— Не угадывай, — сказала она.

— Проверьте эту карту.

Малеев приложил её к считывателю на ноутбуке.

— Гостевая тестовая. Доступ только к демонстрационным апартаментам пятого этажа.

— Вчера она открыла 614.

— Тогда событие осталось бы в локальной памяти замка.

— Покажите память.

Малеев открыл второй файл. За вечер дверь 614 отпиралась один раз: в 17:43 картой старшей горничной. После этого — ни одного входа до приезда Сафронова в 20:51.

— Я был там около восемнадцати двадцати.

— Система этого не подтверждает.

— Система подтверждает только саму себя.

— И ваша карта подтверждает её независимо, — сказал Малеев.

Марина взяла распечатку.

— Нет. Центральный журнал лифта и выгрузка двери подготовлены одной службой. Нам нужна необработанная копия контроллера и сведения о времени его последней синхронизации.

Малеев посмотрел на неё внимательнее.

— Локальную память уже выгрузили.

— Каким устройством, кто и когда?

— Это внутренняя процедура.

— Значит, пока у нас один источник в двух таблицах.

Артём почувствовал благодарность. Марина всегда умела находить место, где уверенная фраза была шире доказательства.

— Теперь посетитель, — продолжил Малеев. — Ева Вадимовна вошла в 17:56, получила карту, поднялась на пятый этаж и вышла в 18:21. Камеры подтверждают маршрут.

— Дайте непрерывную запись.

— После письменного согласования.

— Вчера запрос отправлен.

— На сохранение, не на передачу.

Сафронов подвинул к Артёму акт.

— Номер осмотрен. Посторонних и личных вещей не обнаружено. Подпишите, что присутствовали.

— Я подпишу только с замечанием: состояние на двадцать один ноль семь, не на время показа.

— Пишите от руки.

Артём записал замечание на обеих копиях. Сафронов не возражал. Правильность процедуры снова казалась декорацией, поставленной заранее.

Телефон завибрировал. Ева.

Артём включил громкую связь с её согласия.

— Ева Вадимовна, мы сейчас в «Контуре». Нужно подтвердить вчерашний маршрут. Вы были со мной в 614?

— Нет, — ответила она.

В комнате никто не шелохнулся.

— Вы видели Виктора и Аллу Крыловых?

— Я не знаю таких людей.

— Вы оставались поговорить с ними.

— Артём, мы осмотрели два помещения на пятом этаже. Потом вы сказали, что вам надо ехать за дочерью. Я ушла.

— Почему вы вчера не отвечали?

— Потому что закончила разговор с вами.

— Вы дали Крыловым визитку.

— Нет.

Голос был спокойным, но слова шли с одинаковыми промежутками, будто Ева читала их с экрана.

— Назовите номера, которые мы осмотрели.

Пауза.

— Пятьсот двенадцать и пятьсот восемнадцать.

Артём посмотрел на маршрут в распечатке. Те же номера.

— Что вам запомнилось в пятьсот восемнадцатом?

— Я не обязана сдавать экзамен. После вчерашнего я отказываюсь от сделки. Больше мне не звоните.

— Вам кто-то угрожает?

Связь оборвалась.

Артём набрал ещё раз. Номер оказался недоступен.

— Это не похоже на неё, — сказал он.

— Вы знакомы два дня, — заметил Сафронов.

— Она назвала меня по имени. До вчерашнего мы общались только письменно через помощника.

— На показе вы не представлялись?

Артём открыл рот и остановился. Конечно, представлялся. Он делал это автоматически и не мог восстановить точную фразу.

Марина закрыла блокнот.

— Нам нужны копии файлов и данные о формировании выгрузки.

— После согласования, — повторил Малеев.

На улице Марина повела Артёма не к парковке, а в кафе напротив. Выбрала стол у окна и попросила его положить телефон экраном вверх.

— Теперь плохая часть, — сказала она. — Пока их версия связнее твоей.

— Потому что они её написали.

— Возможно. Но у тебя нет права заполнять пробелы удобными деталями. Ты уверен в Крыловых. Не уверен, что карточка всё время была в папке. Уверен, что Ева осталась. Не знаешь, когда и как она вышла. Держимся этого.

— Ты мне веришь?

Марина посмотрела через окно на фасад «Контур».

— Я верю, что ты не придумал историю сознательно.

— Это другой ответ.

— Единственный честный.

Она попросила Артёма открыть геолокацию телефона. История показывала прибытие в «Контур», затем двадцать девять минут в здании. Этажей она не различала. В журнале рабочего приложения маршрут внезапно содержал только 512 и 518.

— Вчера там был 614.

— У тебя сохранилось письмо с назначением показа?

Артём нашёл цепочку. В первом письме помощник перечислял три номера, включая 614. В последнем, отправленном за час до встречи, стояли только два номера пятого этажа. Под письмом находился ответ Артёма: «Подтверждаю маршрут».

Он не помнил, чтобы писал его.

Технические заголовки показывали отправку с его телефона в 17:02.

— В это время я ехал сюда.

— Мог ответить на светофоре?

— Я не пишу за рулём.

— Никогда?

— Почти.

Марина подчеркнула последнее слово.

— Позвони Ирине и предупреди, что у тебя проблема с рабочим аккаунтом.

— При чём тут Ирина?

— Если кто-то входит в твой телефон, там переписка о Соне, календарь и адреса. Это уже не только сделка.

— Я не стану сообщать ей, что не контролирую собственный телефон, пока не знаю, что произошло.

— Тогда хотя бы смени пароли с другого устройства.

Артём согласился. Они купили дешёвый планшет в соседнем магазине, создали новый почтовый ящик и перенесли туда копии документов. Марина настояла, чтобы исходный телефон оставался включённым и Артём больше не открывал на нём файлы.

В новом ящике лежали журнал дверей, акт и письмо с маршрутом. Три независимых на вид документа рассказывали одну историю: Артём не поднимался на шестой этаж.

Он перечитал их и впервые подумал не о том, как доказать присутствие Крыловых.

Он подумал, что будет, если такая же папка появится у Ирины.

Телефон на столе засветился. Сообщение пришло с неизвестного номера.

«Не спорьте с журналом. В следующий раз опоздаете не на двадцать минут».

Марина прочитала через его плечо.

— Не отвечай.

Артём сделал снимок сообщения новым планшетом.

Когда он снова посмотрел на телефон, текста уже не было.

Но впервые исчезновение осталось не только в его памяти.

Глава 4. Правильная подруга

Фотография сообщения получилась хорошей. На ней помещались старый телефон, часы над стойкой кафе и отражение Марины в окне. Текст читался целиком: «Не спорьте с журналом. В следующий раз опоздаете не на двадцать минут».

— Отправь снимок с планшета на новый ящик, — сказала Марина. — Потом отключи на телефоне сеть. Питание не трогай: специалист посмотрит память уведомлений.

На салфетке она написала: «устройство», «оператор», «свидетель». Под последним словом поставила своё имя и расписалась.

— Ты серьёзно?

— Я видела сообщение до исчезновения. Зафиксируем отдельно, пока мы не договорились о красивой версии.

Она посадила Артёма за соседний стол и велела им обоим по памяти записать текст. Он засомневался, было «опоздаете» или «опоздаешь», и так и отметил. У Марины обращение было во множественном числе, зато она не запомнила цифры номера. Фотография подтвердила её вариант.

— Значит, я ошибся.

— Ты отметил сомнение. Одна неточность не уничтожает всё остальное.

Она сложила записи и чек с точным временем в прозрачный файл.

— Где папка с карточкой?

— В машине. Карточки там уже нет.

— Есть папка, из которой она исчезла. Это тоже предмет.

Артём устало усмехнулся. Марина всегда так спасала сорванные сделки: находила стол, чистый лист и первое действие, которое можно проверить. Раньше это казалось её лучшим качеством. Сейчас — единственным местом, где он мог встать обеими ногами.

— Составим хронологию, — сказала она. — Время, событие, источник, степень уверенности.

— Мне надо в офис.

— У тебя сделка в здании, где меняют документы, и телефон, с которого отвечают от твоего имени. Какая работа сейчас безопасна?

Он открыл календарь на планшете: звонок собственнику, съёмка квартиры, договор. Помощница Настя уже трижды писала на старый телефон.

— Позвони ей с моего номера, — предложила Марина. — Перенеси всё, что можно. Остальное проводи не один.

Ему не понравилось, как естественно она распределила его день. Ещё меньше — облегчение, с которым он согласился.

Настя ответила после первого гудка:

— Артём Сергеевич, у вас всё нормально? Мне вчера пришла правка от Марины Олеговны: убрать шестой этаж до проверки документов. Она снова в проекте?

Артём посмотрел на Марину. Та уже искала письмо в телефоне.

— Когда пришла правка?

— В двадцать три двенадцать.

— Перешли вложением на новый адрес.

После разговора Марина показала своё отправленное письмо.

— Я написала Насте сегодня в семь сорок. После журнала. Ночью только дважды звонила тебе.

Пересланное Настей письмо выглядело настоящим, но в доменной части одна буква была кириллической вместо латинской.

- Похожий адрес, не доступ к моей почте, — сказала Марина.
- Кто знал, что ты предложишь убрать этаж?
- Любой, кто слышал нас утром или понимал стандартную реакцию брокера.
- Письмо пришло ночью.

Пауза длилась едва заметно.

- Значит, понимал заранее.

Марина сохранила файл в новый ящик. Артём следил за её руками.

- Пароль знаешь только ты, — сказал он.
- Я сама вводила его в магазине, пока ты подтверждал номер.

Она медленно отодвинула планшет.

- Создай ещё один ящик. Сам. Проверять надо и меня.

- Я тебя не обвиняю.

- А проверять всё равно надо.

Она сказала это без обиды, настолько правильно, что Артёму стало стыдно. Новый пароль он набрал под столом и записал карандашом на визитке. Они скопировали туда файлы, ничего не удаляя.

К полудню хронология заняла двадцать семь строк. Зелёным Марина отметила события с двумя подтверждениями: вход в здание, звонок Ирины, покупку планшета, исчезнувшее сообщение. Жёлтым — то, что видел один человек. Красным — несовместимые версии.

Красного было больше всего.

В строке 18:16 значилось: «Вход в 614. Источник: память А.Г.; память Е.В. — отозвана». В 18:20: «Крыловы в помещении. Источник: А.Г.; возможный свидетель Л.Ш.; Е.В. отрицает». В 18:38 — «Пять фотографий противоречат памяти». В 19:10 — «Срок забрать Соню». В 19:31 — «Фактический звонок у школы».

— Что ты чувствовал после выхода из номера? — спросила Марина. — Тошнота, сердцебиение, провал времени?

- Провала не было.
- Ты плохо помнишь дорогу и два светофора.
- Потому что думал о Крыловых.

Он закрыл глаза. Лифт. Голос Евы. Вода. Сигнал в парковочном проезде. Потом часы машины показывали 19:18, и он понял, что опаздывает. Не чёрная дыра — обрывки обычной дороги.

- Сердце билось быстро. Ладони были мокрые. Хотелось открыть окно.
- У тебя бывали панические атаки?
- Не называй это так.

— Паническая спутанность могла усилить то, что происходило. Не создать жильцов, не заменить файлы, а дать кому-то несколько минут. Если пойдёшь к врачу, это будет проверка после неизвестного воздействия и стресса, не признание безумия.

- Вот что ты думаешь? Что я всё придумал?
- Я думаю, причин может быть несколько.
- Удобно. Их несостыковки — подмена. Мои — паника.

Марина отложила ручку.

— Я допускаю, что некоторые детали ты мог восстановить неправильно. Но зелёную лампу, Крыловых и сообщение одной тревогой не объяснить. Чтобы найти правду, нельзя защищать каждую деталь как святыню.

- Ты мне веришь?
- Верю, что ты не придумал это сознательно.
- Опять неправильный ответ.
- Правильного у меня нет.

Она предложила независимую клинику, затем специалиста по телефону. Сама собиралась сверить документы сделки и искать Крыловых по открытым источникам.

— Работаем вместе, — сказал Артём.

— Тогда ты пропустишь клинику. А вечером Соня.

— Сегодня не мой день.

Марина посмотрела в календарь.

— Здесь встреча в школе. Сегодня в семнадцать тридцать.

— Она была вчера.

Запись действительно стояла на сегодняшнем дне. Вчерашнее событие теперь называлось «забрать Соню после кружка».

— Позвони Ирине, — сказала Марина. — Не подсказывай время.

Ирина ответила сухо:

— Что случилось?

— Когда разговор с Анной Павловной?

— Был вчера. Ты не пришёл.

— А сегодня в половине шестого?

— Сегодня логопед. Артём, ты опять перепутал?

— У меня в календаре появилась ещё одна запись. Возможно, к аккаунтам был доступ.

Молчание Ирины вместило будущие вопросы: кто имел доступ, почему он не заметил, где в это время была Соня.

— Завтра ты забираешь её в одиннадцать, — сказала она. — Подтверди.

— В одиннадцать у подъезда.

— Ты за рулём?

— Если врач скажет, что можно. Иначе приеду на такси.

— Какой врач?

— Обычный осмотр. После вчерашнего плохо себя чувствовал.

— До вечера я хочу знать, состоится ли встреча. Соня не должна ждать, пока ты выяснешь, какой сегодня день.

Связь оборвалась.

— Зачем ты показала мне запись до проверки? — спросил Артём.

— Потому что она была.

— Ты хотела, чтобы я упомянул врача.

— Это сказал ты.

Он резко встал и задел чашку. Чай залил хронологию. Марина без упрёка подняла листы, промокнула красные строки салфетками. От её правильности злость стала сильнее.

— Поеду в офис один.

— Не на машине.

— Хватит решать.

Она протянула файл и планшет.

— Тогда реши сам. До завтра нужны осмотр, безопасный способ забрать Соню и копия календаря не с твоего устройства. Я помогу, только если разрешишь.

У двери Артём обернулся. В телефоне Марины были фотографии листов, письмо Насти, номер отправителя и адрес первого ящика. В её памяти — обе версии его рассказа. Она стала свидетелем раньше, чем он понял, что ему понадобится свидетель.

— Сделай копию календаря и договорись со специалистом. Больше ничего без меня.

— Хорошо.

— Пообещай.

Марина подняла руку, как при смешной офисной клятве.

— Ничего без тебя.

В такси пришла фотография восстановленной таблицы. Последняя строка гласила: «12:56. А.Г. самостоятельно уехал в офис. Состояние: раздражён, ориентирован во времени и месте».

Артём написал: «Удали оценку состояния».

Марина ответила: «Это наблюдение».

Через минуту прислала исправленную версию, заканчивавшуюся словом «раздражён».

Артём сохранил оба снимка.

Глава 5. Суббота Сони

В десять сорок две Артём стоял у подъезда Ирины с бумажным пакетом из булочной и медицинской справкой, которую никто у него не просил.

В справке было написано осторожно: явных противопоказаний для поездки пассажиром не выявлено, рекомендованы сон, наблюдение и повторное обращение при ухудшении. Врач не подтвердил ни отравления, ни панической атаки. Он записал «эпизод сердцебиения и фрагментарность воспоминаний со слов пациента» и трижды уточнил, не употреблял ли Артём алкоголь.

Артём не употреблял. Последний бокал вина был две недели назад на дне рождения Насти. Но после третьего вопроса ему пришлось восстановить тот вечер, будто сегодняшний ответ зависел от чужого бокала в старом ресторане.

Он приехал на такси, как обещал. Номер машины и имя водителя отправил Ирине ещё до посадки. Потом прислал фотографию справки, убрав адрес клиники. Ирина ответила одним словом: «Вижу».

В пакете лежали две слойки с яблоком и картонный набор, из которого Соня хотела собрать железнодорожный вокзал. Обычный субботний план: завтрак, мастерская в библиотеке, обед, четыре часа у него дома, возвращение к восьми. Артём записал план на листе, словно готовился показывать объект комиссии.

В десять пятьдесят четыре дверь подъезда открылась. Соня выбежала первой, в жёлтой шапке и с рюкзаком, который подпрыгивал у неё между лопаток. Ирина шла следом и уже на лестнице смотрела не на него, а на подъехавшее такси.

— Ты правда не поведёшь? — спросила она.

— Правда. Машина в гараже.

Соня обняла его одной рукой, второй прижимая к себе тубус с цветной бумагой.

— Мы опоздаем на мосты.

— Не опоздаем. До начала тридцать пять минут.

— Ты вчера тоже считал минуты, — сказала Ирина.

Она произнесла это тихо, но Соня услышала. Рука на его боку ослабла.

— Мы договорились не обсуждать это при ней.

— Мы ни о чём таком не договаривались. Ты прислал справку в девять вечера и написал, что всё безопасно. Я хочу понять, что это значит.

Артём достал лист с маршрутом. Сразу понял, что зря: бумага превратила встречу дочери с отцом в передачу под расписку.

— Библиотека, потом кафе на первом этаже, потом ко мне. Везде на такси. В семь тридцать выезжаем обратно. Геолокацию включу.

Ирина просмотрела лист, не взяв его.

— А если тебе снова станет плохо?

— Позвоню тебе. Или в скорую, если будет повод. Врач не увидел острого состояния.

— Врач видел тебя двадцать минут.

— Что ты предлагаешь?

Соня отступила к двери и стала поправлять ремень тубуса, хотя тот лежал ровно.

Ирина заметила это раньше Артёма.

— Сонь, подожди в холле, пожалуйста. Мы две минуты.

— У нас тридцать две, — сказала Соня и скрылась за стеклянной дверью.

Ирина дождалась, пока створка закроется.

— От тебя пахнет алкоголем.

Сначала Артём решил, что не расслышал.

— Чем?

— Алкоголем. Не сильно. Будто ты маскировал жвачкой.

Он вдохнул в ворот куртки. Пахло влажной шерстью, булочной и мятой. В такси водитель держал открытой банку энергетика. В клинике Артём полоскал рот раствором, который дала медсестра после мазка. Ни один запах не был похож на спирт, но теперь он уже не доверял собственному различению.

— Я не пил.

— Я не сказала, что ты пьян.

— Ты сказала достаточно.

Ирина приблизилась на полшага, не касаясь его, и снова принялась. Жест был унижительным именно своей деловитостью.

— Пахнет от шарфа.

Артём снял шарф. Серый, с короткой бахромой. Он лежал в прихожей с прошлой зимы; утром Артём достал его из шкафа, потому что похолодало. На одном конце темнело влажное пятно размером с монету.

Он поднёс ткань к лицу. Теперь запах стал явным: сладкий, резкий, знакомый по салфеткам для инъекций и дешёвому крепкому напитку одновременно.

— Этого не было.

— Когда?

— Когда я выходил.

— Ты проверял шарф перед выходом?

Вопрос был справедливым. От этого хотелось ответить грубо.

— Я бы заметил, если бы облился спиртом.

— Ты сказал, что плохо помнишь часть дороги. Потом в календаре оказался не тот день. Сейчас ты приезжаешь с этим запахом и говоришь, что кто-то получил доступ к твоим аккаунтам. Я не могу делать вид, что ничего не происходит.

— Кто-то и получил доступ. Есть поддельные письма и сообщение с угрозой.

— Ты показал фотографию сообщения. Я вижу фотографию, Артём. Я не знаю, откуда оно взялось и почему исчезло.

Он хотел сказать: Марина видела. Имя уже поднялось к языку, готовое стать поручительством. Марина видела сообщение, помогла зафиксировать, нашла клинику, скопировала календарь. Марина могла подтвердить, что он не пил.

Только утром она его не видела.

— Я сдам анализ, — сказал он.

— Не надо превращать каждую субботу в расследование.

— Тогда поверь мне.

— Мне надо не верить тебе или не верить. Мне надо решить, безопасно ли Соне сейчас уйти с тобой.

За стеклом Соня стояла возле почтовых ящиков и считала рекламные листки. Она всегда считала предметы, когда взрослые спорили: ступеньки, окна, пуговицы. Артём знал это и всё равно продолжал.

— Ты можешь поехать с нами, — предложил он.

— Я не могу. У меня смена через сорок минут.

— Моя мама?

— За городом.

— Марина.

Ирина посмотрела на него так внимательно, что он пожалел о сказанном.

— Почему Марина?

— Она знает, что происходит. Может быть третьим взрослым.

- Марина знает о твоей встрече с Соней?
- Она видела календарь. Я разрешил сделать копию.
- В календаре адрес, школа и занятия.
- Она и раньше всё это знала.
- Это не ответ.

Телефон Артёма завибрировал. Сообщение пришло от Марины: «Как передача? Если Ирина сомневается, могу подтвердить осмотр и такси».

Он прочитал строку дважды. Утром он сообщил ей только, что врач не запретил встречу. О сомнениях Ирины они не говорили.

- Кто пишет? — спросила Ирина.

Артём погасил экран.

— Марина.

— Конечно.

— Что значит «конечно»?

— Она всегда появляется между решением и его последствиями. Когда мы разводились, она объясняла мне, почему ты не успел. Когда Соня сломала руку, Марина нашла врача раньше, чем ты позвонил мне. Теперь у неё копия календаря и она готова подтверждать твоё состояние.

— Она помогает.

— Возможно. Но сегодня я не передаю ребёнка твоей подруге. Я договаривалась с тобой. Стеклопанная дверь открылась. Соня вышла сама.

— Я могу не идти на мосты, — сказала она. — Мы дома сделаем вокзал.

— Ты хочешь остаться? — спросила Ирина.

Соня посмотрела на отца.

— Я хочу, чтобы вы перестали решать, кто из вас врёт.

Артём присел перед ней, хотя колени сразу отозвались болью.

— Я не думаю, что мама врёт.

— А мама думает, что ты пьёшь.

— Я сказала, что чувствую запах, — спокойно поправила Ирина. — Это не одно и то же.

— Вот. Вы даже слова делаете разными.

Соня прижала тубус к груди. На прозрачной крышке была наклеена полоска с её именем, написанным Ириной. Артём вдруг увидел их троих со стороны: ребёнок с подписанной вещью и двое взрослых, каждый из которых пытался доказать точность своей версии.

— Сегодня ты останешься с мамой, — сказал он.

У Ирины дрогнули брови.

— Я не смогу остаться. Мне надо на работу.

— Тогда я поеду с Соней к вам и дождусь человека, которому ты доверяешь. Не буду с ней один, если ты считаешь это небезопасным.

— Пап, я не маленькая.

— Именно поэтому я не буду делать вид, что всё нормально, когда ты слышишь наш спор.

Соня отвернулась. Это было не согласие и не прощение.

Ирина позвонила своей сестре. Та могла приехать через час и остаться до вечера. Мастерскую пришлось отменить: до библиотеки они уже не успевали. Ирина несколько раз повторила сестре, что Артём не пьян и что просьба связана с его самочувствием. Он слышал, как тщательно она отделяет наблюдение от вывода, и ненавидел благодарность, которую должен был за это испытывать.

Они поднялись в квартиру. Артём положил шарф в новый пакет для заморозки, который дала Ирина, подписал время и никому не позволил трогать пятно. Потом остановился.

— Это выглядит так, будто я собираю улику против тебя, — сказала Ирина.

— Не против тебя. Против версии, что я пил.

— Я не создавала эту версию.

— Я знаю.

Он впервые за утро сказал это без скрытого «но».

Ирина ушла переодеваться к работе. Соня села на ковёр и высыпала детали вокзала. Стены были серыми, крыша красной, часы над входом показывали без пяти три. Артём разложил детали по номерам.

— Не надо по номерам, — сказала Соня. — Сначала большие.

— В инструкции по номерам.

— Так дольше.

Он смешал две кучки обратно.

Они собрали основание молча. Соня держала клапаны, пока клей схватывался. На третьей стене она спросила:

— Ты вчера забыл меня?

— Нет. Я помнил, что должен приехать. Я неправильно запомнил время и поздно выехал.

— Это можно не забыть, но всё равно забыть?

— Наверное, да.

— Мама сказала тёте Оле, что ты запутался.

— Так и было.

Признание прозвучало проще, чем все утренние доказательства.

— А сегодня?

— Сегодня я приехал вовремя. Но от моего шарфа пахло так, будто я пил. Мы не знаем почему. Мама решила проверить, что рядом с тобой будет ещё один взрослый. Она не наказывает ни тебя, ни меня.

Соня прижала крышу слишком сильно, и картон прогнулся.

— Если ты больной, тебя перестанут пускать?

Артём выровнял сгиб ногтем.

— Взрослые договорятся, как нам встречаться безопасно. Я не исчезну из-за одной плохой недели.

Он не мог обещать больше. Даже это обещание зависело не только от него, но действие внутри него было его собственным: звонить, приходить, соблюдать условия, не заставлять Соню свидетельствовать в его пользу.

Ирина вернулась в форме лаборатории и положила на стол запасные ключи.

— Оля будет через двадцать минут. Я хочу, чтобы вечером мы обсудили временный порядок. Без Сони.

— Обсудим.

— Пока разберёмся, встречи при ком-то из взрослых. И без машины.

Он почувствовал знакомый импульс: потребовать основание, срок, точные критерии, напомнить, что соглашение не давало ей права менять всё одной. Правильные слова уже складывались в деловое письмо.

Соня клеила часы над входом и делала вид, что не слушает.

— Хорошо, — сказал Артём. — На неделю. Потом пересмотрим вместе.

— На неделю, — согласилась Ирина. — Если ничего нового не случится.

Телефон снова завибрировал. Марина звонила. Артём отклонил вызов и выключил передачу геопозиции, которую ещё утром открыл ей для подстраховки.

Уведомление о прекращении доступа появилось сразу: «Марина Левина больше не видит ваше местоположение».

Через несколько секунд пришло сообщение: «Ирина не отпустила Соню?»

Артём показал экран Ирине.

— Ты ей писал? — спросил он.

— Нет.

— Я тоже.

Они одновременно посмотрели на пакет с шарфом.

Ирина первой отвела взгляд.

— Это всё ещё не доказывает, кто и что сделал.

— Знаю.

— И не отменяет нашего решения.

— Знаю.

Он сфотографировал сообщение своим планшетом, захватив в кадр часы на кухне и лежащий рядом пакет. Отправил снимок только на закрытый адрес, пароль от которого не сообщал Марине.

Потом убрал устройства в прихожую и вернулся на ковёр.

У вокзала не хватало одной опоры навеса. Соня нашла её прилипшей к внутренней стороне пакета из булочной.

— Если не смотреть с другой стороны, кажется, что её нет, — сказала она.

Артём взял деталь, но отвечать не стал. Он больше не хотел превращать слова дочери в подсказки для своего расследования.

Они приклеили опору и держали навес вдвоём, пока тот не перестал падать.

Глава 6. Чужая фотография

В воскресенье утром облако предложило Артёму вспомнить пятницу.

Уведомление появилось на новом планшете в восемь семнадцать, когда он стоял у кухонного стола и переливал растворимый кофе из большой кружки в маленькую. После вчерашнего разговора с Ириной всё хотелось уменьшить до величины, которой можно управлять: чашку, список дел, расстояние до телефона. На экране под словами «Два дня назад» светился знакомый прямоугольник комнаты.

Номер 614 был пуст.

Сервис собрал шесть фотографий в короткий ролик. Белая кровать, белый абажур, закрытый шкаф. Медленный переход к окну. Стол без лекарств и карточки. В финале — дверь, снятая из коридора. Под музыку, которую Артём не включал, пустая комната выглядела образом порядка.

Он не коснулся кнопки воспроизведения второй раз. Положил планшет на стол, поставил рядом механические кухонные часы и снял оба предмета старым фотоаппаратом. Фотоаппарат не умел отправлять снимки в облако. Его подарил отец ещё до рождения Сони; аккумулятор держал заряд только двадцать минут, зато карта памяти вынималась ногтем.

Потом Артём открыл сведения о первом снимке.

Пятница, 18:18.

В это время он стоял в 614 рядом с Евой и видел Аллу Крылову у зелёной лампы. Виктор держал руку на спинке стула. На столе лежал блистер с лекарствами, возле стены — две трости. Артём помнил, как поднял телефон, как Ева отступила, чтобы не попасть в кадр, как Алла попросила не снимать её лицо.

Теперь фотография, сделанная в 18:18, показывала тот же ракурс без людей и вещей. Более того, облако знало объектив, выдержку и координаты. Устройство было его. Серийный номер совпадал. Геометка указывала на «Контур» с погрешностью в одиннадцать метров.

Он записал данные от руки. Не скопировал, не переслал, не сделал снимок экрана. В тетради появилась первая строка: «Файл утверждает, что снят моим телефоном в 18:18». Слово «утверждает» вернуло воздуху плотность.

Вторая фотография имела время 18:19. Третья — 18:20. Пять файлов совпадали с теми, которые он видел уже после исчезновения Крыловых. Шестой был новым.

На нём дверь 614 была снята из коридора. В кадр попал край ладони фотографа — основание большого пальца и часть запястья. На запястье темнел ремешок часов.

Артём посмотрел на свою левую руку. Часы лежали в спальне на тумбочке: после клиники он снял их и не надел. Чёрный тканевый ремешок, стальная пряжка, потёртость у третьего отверстия. На фотографии ремешок выглядел таким же.

Он приблизил край кадра. Возле пряжки была светлая поперечная нить. На его ремешке она тоже была — Соня зацепила ткань липучкой, когда они летом собирали палатку.

Артём закрыл изображение.

На кухне работал холодильник. У соседей сверху дважды прокатилось что-то круглое, потом стало тихо. Он ждал знакомого толчка внутри — сердцебиения, жара, выпадения времени, — но тело оставалось обычным. От этого снимок казался опаснее. Его можно было предъявить кому угодно, и он подтверждал не только пустой номер. Он подтверждал присутствие самого Артёма по его устройству, часам, руке.

Он открыл журнал активности облачного аккаунта. Последний вход с неизвестного устройства был отмечен в пятницу ночью, тот самый, после которого они с Мариной меняли пароль. Новых входов не было. Фотографии якобы загрузились с телефона автоматически в пятницу в 18:24 и всё это время находились в библиотеке.

Тогда почему сервис показал их только сейчас?

Возможных ответов было слишком много: задержка индексации, восстановленный альбом, скрытая папка, неправильная дата уведомления. Ни один не требовал человека в его квартире. Ни один не доказывал, что ладонь принадлежала ему.

Артём взял телефон и остановился на имени Марины.

Вчера она знала то, чего знать не должна была. Это ещё не делало её источником подмен. Доступ к геолокации мог показать, что он долго оставался у Ирины; Марина могла угадать причину. Она могла получить уведомление из общего календаря. Могла написать неудачную фразу из тревоги.

Но раньше он звонил ей не после проверки фактов, а вместо неё.

Артём набрал не Марину, а номер поддержки облачного сервиса. Робот предложил статью о восстановлении удалённых фотографий. После семи минут музыки оператор объяснила, что не видит содержимое файлов и не может подтвердить их происхождение, зато может подготовить архив данных аккаунта. Ссылка придёт в течение двух суток.

— Мне важно сохранить техническую историю без изменений, — сказал Артём. — Что мне не делать?

Оператор попросила минуту на уточнение.

— Не редактируйте фотографии и не меняйте дату. Не удаляйте их. Архив формируется из данных, доступных на момент запроса, но я не могу обещать, что в нём будет история изменений.

— Вы можете зафиксировать время моего обращения?

— Номер обращения будет в письме.

Он продиктовал резервный адрес, который создал на планшете, и записал номер в тетрадь. Потом выключил на старом телефоне синхронизацию фотографий, не удаляя аккаунт. Экран предупредил, что изменения с других устройств больше не появятся автоматически. Предупреждение было сформулировано как потеря удобства.

Удобство вдруг показалось формой открытой двери.

В половине десятого позвонила Ирина.

— Соня спрашивает, можно ли сегодня созвониться в шесть, — сказала она. — Только не отменяй в последнюю минуту.

— Не отменю. В шесть буду дома.

Он посмотрел на снимок пустого 614 и не рассказал о нём. Молчание длилось меньше секунды, но Артём успел придать ему благородную форму: он не хочет тревожить Ирину до проверки. Та же форма годами помогала ему не сообщать о сорванных встречах, пока он не находил объяснение получше.

— Есть что-то новое? — спросила она.

— Да. В облаке появились фотографии номера с тем временем. Я их сейчас фиксирую и запросил архив.

Ирина выдохнула не удивлённо, а устало.

— Они показывают людей?

— Нет. Пустую комнату. На одном видна рука с часами, похожими на мои.

— Ты делал этот снимок?

— Я не помню, чтобы делал. Я помню другой кадр в это время. Это две разные фразы.

— Хорошо.

Её «хорошо» означало только то, что она услышала различие.

— Я пришлю тебе номер обращения в поддержку, — сказал Артём. — Самих фотографий пока не буду пересылать. В шесть позвоню Соне с планшета.

— Давай с моего телефона. Без фильтров и новых приложений. Просто видеозвонок.

— Договорились.

Он ждал вопроса о временном порядке встреч, но Ирина не стала повторять вчерашнее решение. Это было хуже спора: правило уже действовало и не нуждалось в подтверждении.

После звонка Артём достал из буфета металлическую коробку из-под чая. В ней лежали запасной ключ от письменного стола и две старые флешки. Ключ был маленький, с квадратной головкой. Он держал его отдельно с пятничной ночи, когда вернулся из «Контура».

В нижнем ящике стола должен был лежать крафтовый конверт.

Туда Артём убрал не карточку Крыловых. Первую карточку он потерял ещё до возвращения в отель: прозрачный карман оказался пуст. Второй похожий предмет, найденный под столом 614, изменился у него в руках — штамп и строки исчезли, остался чистый прямоугольник плотной бумаги. Именно его Артём положил в конверт, подписал время и место, заклеил по клапану бумажной лентой и убрал в ящик. Беспольный обрезок был важен хотя бы тем, что существовал вне телефона.

Ключ повернулся туго. В ящике лежали договоры, блокнот с показаниями, конверт с запасной банковской картой и синяя папка для налоговых документов.

Крафтового конверта не было.

Артём не стал вынимать всё сразу. Поставил фотоаппарат на штатив в дверях кабинета и включил видео. Назвал дату, время, показал циферблат кухонных часов, закрытую входную дверь и ключ в замке ящика. Только после этого разложил содержимое на полу.

Под папкой обнаружилась полоска бумажной ленты длиной с палец. На ней его почерком было написано: «не вскр.» Последние две буквы слова остались на исчезнувшей части.

Лента не была разорвана. Край шёл ровно, будто её отрезали ножом.

Он снял полоску крупно и оставил на месте. Затем проверил заднюю стенку ящика и пространство под столом. Конверта не было.

Замок не выглядел повреждённым. Обычный мебельный механизм можно было открыть вторым ключом, отмычкой или просто отвёрткой, если не заботиться о следах. Артём купил стол вместе с квартирой; прежний хозяин мог оставить дубликат. Уборщица приходила в четверг, но в кабинет не заходила — по крайней мере так значилось в её сообщении. Марина была здесь в пятницу ночью. Ирина — месяц назад, когда привозила Сонины коньки. Соня знала, где стоят коробки, но не знала о конверте.

Он записал имена, затем перечеркнул весь список одной линией. Присутствие в квартире не было доказательством доступа к ящику. Если он начнёт назначать виновного по близости, ему уже не понадобится тот, кто меняет фотографии: он сам разрушит все отношения.

Артём осмотрел ключ. На одном зубце блестела свежая царапина. Она могла появиться минуту назад, когда замок заело.

Он ощутил, как расследование превращает каждый предмет в вопрос, а каждый вопрос — в обвинение. Часы были похожи на его часы. Почерк был его. Ключ был его. Даже исчезновение происходило внутри его квартиры. Чужому человеку оставалось только расставлять вещи; остальную работу Артём выполнял сам, пытаясь доказать, что ещё способен отличить факт от внушения.

Он закончил видео и вынул карту памяти. Подписал её карандашом: «стол, вс, 09:54». Положил в чистый конверт и не стал запирать в тот же ящик. Вместо этого опустил конверт в почтовый ящик нотариальной конторы на первом этаже соседнего дома, где принимали документы круглосуточно через защищённый бокс. На стойке домофона был указан утренний номер дежурного.

Артём позвонил и объяснил, что хочет передать запечатанный носитель на хранение с отметкой времени, не заверяя содержание. Дежурная предупредила, что оформить принятие сможет только сотрудник в понедельник и что до тех пор конверт будет просто находиться в закрытом боксе.

— Значит, сейчас вы не подтверждаете, что внутри? — уточнил он.

— Мы и завтра не будем подтверждать содержание без осмотра и отдельного действия. Только получение конверта.

— Этого достаточно.

Он записал имя дежурной и время разговора. Не называл передачу доказательством. Пока это был лишь носитель, который находился не у него.

На обратном пути Артём заметил серый автомобиль у своего подъезда. Такая же машина была у Марины, но номер он не разглядел: автомобиль выехал со двора прежде, чем он подошёл. Артём не побежал следом и не достал телефон. Серых машин этой модели в квартале было не меньше пяти.

В квартире он проверил дверь. Верхний замок был закрыт, нижний — тоже. На внутренней стороне косяка оставалась тонкая полоска малярной ленты, которую он наклеил вчера вечером после возвращения от Ирины. Лента не порвалась.

Значит, если конверт забрали после субботнего вечера, дверь не открывали. Если его забрали раньше, лента ничего не доказывала. Если Артём сам переложил конверт и забыл, целая лента была безразлична ко времени.

Он сел на пол в прихожей. Хотелось позвонить Марине и задать один простой вопрос: была ли она в его кабинете в пятницу. Но простого ответа не существовало. «Нет» ничего не исключало. «Да» ничего не подтверждало. А сам звонок сообщил бы, что он обнаружил пропажу.

Вместо этого Артём написал ей: «Сегодня занят. По “Контур” до получения архива ничего не предпринимаю». Прочитал и удалил до отправки. Сообщение всё равно выдавало архив.

Марина написала первой в 10:23.

«Наш эксперт может посмотреть телефон в три. Нужен сам аппарат и пароли. Я договорилась без очереди».

Он не рассказывал ей о новых фотографиях. Возможно, встреча была назначена ещё в пятницу. Возможно, эксперт работал только по воскресеньям. Возможно, Марина решила ускориться из-за исчезнувшей геолокации.

Артём ответил: «Спасибо. Пока не передаю устройства и пароли. Пришли имя, компанию и условия осмотра — свяжусь сам».

Три точки появились сразу и долго не исчезали.

«Ты просил помочь», — написала Марина.

«Просил. Теперь разделяю помощь и доступ».

Она позвонила. Он дал вызову закончиться, затем включил запись экрана на планшете и перезвонил сам. Предупредил, что фиксирует разговор для точности.

— С каких пор ты записываешь меня? — спросила Марина.

— С тех пор как мои файлы меняются.

— И ты решил, что это делаю я?

— Я решил никому не отдавать телефон и пароли. Пришли контакты эксперта.

За окном во дворе хлопнула дверь машины. Артём подошёл к окну, но серого автомобиля уже не было.

— Ты сейчас дома? — спросила Марина.

— Почему это важно?

— Потому что ты звучишь так, будто забаррикадировался. Артём, я не хочу спорить. Я хочу, чтобы твой телефон посмотрел специалист до того, как ты окончательно испортишь данные.

— Его имя?

— Денис Ратников. Частная практика, раньше работал в «Сетевом щите». Я пришлю профиль.

— Кто ему рассказал о ситуации?

Пауза была короткой, но Артём её записал не как признак лжи, а как паузу.

— Я сказала, что у друга меняются фотографии и календарь.

— Про номер 614 говорила?

— Нет.

— Про Соню?

— Нет. Конечно нет.

— Откуда вчера ты узнала, что Ирина её не отпустила?

Марина ответила не сразу.

— У тебя погасла геолокация почти через час после начала прогулки. До библиотеки ты не доехал. Я предположила.

— Ты следила за маршрутом весь час?

— Ты сам открыл мне доступ после угрозы с опозданием. Я проверяла, всё ли нормально.

— Почему не позвонила, если считала, что что-то случилось?

— Потому что ты был у Ирины. Я подумала, вы разговариваете. А потом доступ исчез.

Объяснение было связным. Оно превращало контроль в заботу и не требовало ни одного недоступного факта. Артём сам дал Марине геолокацию. Сам разрешил скопировать календарь. Сам сделал её свидетелем, способным объяснять его день лучше него.

— Больше не проверяй моё местоположение, — сказал он.

— Уже не могу.

— И не связывайся с Ириной или Соней по поводу моего состояния.

— Я не связывалась.

— Хорошо.

— Ты говоришь со мной как с подозреваемой.

— Я говорю условия доступа к моей семье и устройствам.

— После всего, что я сделала?

Он посмотрел на пустой ящик. Формулировка могла быть обидой. Могла быть напоминанием. Могла быть случайным набором слов, который его страх превратит в признание.

— Именно потому, что ты много сделала, граница должна быть ясной, — сказал Артём.

Марина тихо усмехнулась.

— Ирина наконец добилась, чтобы ты сомневался в единственном человеке, который тебе верит.

— Ирина не называла твоего имени.

Снова пауза.

— Пришло контакт Дениса, — сказала Марина. — Дальше сам.

Она отключилась.

Запись сохранилась на планшете. Артём переписал ключевые фразы в тетрадь, отдельно помечая, где были слова, а где его выводы. «Марина связывает границы с влиянием Ирины» — факт разговора. «Марина пытается изолировать» — возможная интерпретация. «Марина забрала конверт» — данных нет.

В одиннадцать тридцать пришло письмо от облачного сервиса с номером обращения. Через минуту в библиотеке исчез шестой снимок с рукой.

Пять фотографий пустого номера остались. Ролик «Два дня назад» теперь заканчивался видом окна. В сведениях альбома значилось пять объектов, хотя на сделанной фотоаппаратом серии было шесть.

Артём не обновлял страницу ещё раз. Вынул из фотоаппарата вторую карту памяти, на которой были экран с шестым снимком, часы и номер обращения. Эту карту он не понёс в тот же бокс. Завернул в лист бумаги, подписал и положил в карман куртки.

В дверь позвонили.

Он подошёл бесшумно и посмотрел в глазок. На площадке стоял курьер с бумажным пакетом. На пакете было напечатано название кофейни, куда они с Мариной ходили после сделок.

— Доставка Горину, — сказал курьер после второго звонка.

— Я ничего не заказывал.

— Уже оплачено. Тут записка.

Артём попросил оставить пакет у двери и спуститься на этаж ниже. Курьер пожал плечами, поставил его на коврик и ушёл. Артём дождался, пока хлопнет подъездная дверь, потом открыл нижний замок, не снимая цепочку.

На чеке стояло: «Американо без сахара. Маленький».

В записке рукой сотрудника было выведено: «Не оставайся один. М.»

Напиток был горячим.

Артём сфотографировал пакет через щель, закрыл дверь и позвонил в кофейню по номеру с официального сайта, а не с чека. Администратор подтвердил заказ и сказал, что его оформили через приложение в 11:19. Имя отправителя он раскрывать отказался.

В 11:19 Артём говорил с поддержкой и стоял у собственного стола. Марина могла заказать кофе из любой точки города. Записка могла быть заботой. Но чтобы выбрать маленький американо вместо обычного большого, нужно было знать, что сегодня Артём перелил кофе в маленькую кружку.

Или просто помнить, что после бессонной ночи он всегда просил маленький, чтобы не дрожали руки.

Он оставил пакет за дверью. Через десять минут его забрала соседка, решив, что это мусор; Артём увидел её в глазок и не остановил. Ему не требовалась лаборатория для каждого стакана. Требовалось перестать принимать то, происхождение чего он не контролировал.

До шести он не выходил. Проверил окна и нашёл на раме обычную пыль, в которой любая полоска казалась следом пальца. Сменил пароль на роутере, отключил удалённый доступ к умной колонке и заклеил камеру старого ноутбука. Потом остановился. Снял ленту с окна, которую собирался использовать как пломбу. Нельзя было жить в квартире, превращённой в ловушку, и одновременно обещать Соне, что рядом с ним безопасно.

Вместо этого он составил короткий протокол для себя: устройства не отдавать без письменных условий; новые события сообщать Ирине, если они касаются встреч; не назначать виновного по догадке; физические носители хранить в двух независимых местах; при угрозе человеку обращаться в полицию, а не устраивать проверку самому.

В шесть ровно на экране появился потолок кухни Ирины, затем Сонино ухо.

— Ты поставила телефон боком, — сказал Артём.

— Так вокзал влезет.

Она отодвинулась. Картонный вокзал стоял на столе, навес держался на всех опорах. На часах над входом по-прежнему было без пяти три.

— Тётя Оля сказала, что часы надо перевести, — сообщила Соня. — Но они нарисованные. Если перевести, останется дырка.

— Тогда пусть показывают своё время.

— А твоё какое?

Артём посмотрел на механические часы рядом с планшетом.

— Шесть ноль две.

— У нас тоже.

Они сверили часы, не превращая совпадение в доказательство. Потом Соня показала расписание для бумажных пассажиров и рассказала, что один поезд прибывает на платформу, которой ещё нет. Артём предложил построить её в следующую субботу, если Ирина и тётя Оля смогут присутствовать.

Он не сказал «когда всё закончится». Не обещал вернуть прежний порядок. Назвал условие, которое уже действовало.

После звонка на резервный адрес пришло письмо от Марины. В нём были имя эксперта, ссылка на его профессиональную страницу и одно предложение: «Я всё ещё на твоей стороне, даже если ты решил, что сторон должно быть две».

Артём сохранил письмо в архив, но не ответил.

Перед сном он ещё раз открыл облачную библиотеку. Пять пустых фотографий оставались на месте. Время съёмки не изменилось. Снимка с рукой не было.

В тетради Артём написал:

«В 08:17 я увидел шесть файлов. В 11:31 осталось пять. Независимая камера зафиксировала экран до исчезновения. Это доказывает изменение набора файлов, но не автора изменения».

Ниже добавил:

«Из запертого ящика пропал конверт с чистым обрезком. Первая карточка исчезла раньше. Не смешивать».

Последняя фраза была нужна не для будущего эксперта. Она была нужна ему самому. Кто-то предлагал Артёму одну гладкую историю, в которой пустой номер всегда был пустым, а его рука это подтверждала. Он пока не мог доказать другую историю целиком.

Но мог не позволить двум исчезновениям стать одним.

Глава 7. Ночной администратор

Лев позвонил в понедельник в четыре сорок семь утра.

Артём проснулся не от звука, а от света: старый телефон лежал экраном вниз, и вспышка уведомления дважды прорезала щель между корпусом и тумбочкой. Номер он узнал не сразу. В пятницу Лев звонил с внутренней линии «Контура», в субботу — с личного, который Артём не успел подписать.

Вызов оборвался прежде, чем он ответил. Через минуту пришло сообщение: «Не перезванивайте. В 06:10 кофейня у автовокзала, дальний зал. Если не сможете — больше не пишите».

Фраза была похожа не на приглашение, а на расписание эвакуации.

Артём сел на кровати и записал сообщение в тетрадь. Потом снял экран фотоаппаратом. За последние сутки он выработал ритуал, который одновременно спасал и истощал: сначала внешний след, потом действие. Любая чашка, звонок или открытая дверь требовали второго носителя и точного времени.

Он остановил себя на мысли о третьей копии.

До автовокзала было двадцать минут на такси. Артём мог успеть и всё же не хотел идти один, как будто встреча уже была ловушкой. Позвонить Марине означало сообщить ей о Льве. Позвать Ирину было невозможно и несправедливо. Юрист, с которым он когда-то оформлял соглашение после развода, не отвечал бы до девяти.

Артём отправил на резервную почту короткое письмо с местом встречи и поставил отложенную отправку второго письма Ирине на восемь утра. В нём не было обвинений: «Сегодня рано утром встречался с сотрудником “Контура”. Вернулся домой в 07:20. Если письмо ушло автоматически, значит, я не отменил отправку». Затем поставил напоминание отменить его после возвращения.

Это не было защитой. Это был след маршрута, созданный до события.

В кофейне пахло горячим тестом и мокрыми куртками. Через стеклянную стену виднелись автобусы, серые в предрассветном свете. В дальнем зале работала только половина ламп. Лев сидел у стены в чёрной толстовке поверх форменной рубашки; воротник с эмблемой «Контура» он спрятал не полностью.

Перед ним стояли два бумажных стакана. Артём не притронулся к тому, который Лев подвинул навстречу.

— Я не знал, что вы пьёте, — сказал Лев.

— Ничего. Спасибо.

Лев посмотрел на пустые руки Артёма.

— Телефон оставили?

— В авиарежиме. Но он со мной.

— Тогда зря пришли.

Он начал вставать. Артём не удержал его за рукав, хотя движение возникло раньше мысли.

— Я не записываю разговор тайно, — сказал он. — Если понадобится запись, сначала спрошу.

— А потом что? Покажете Сафронову, что я сказал?

— Нет. Я хочу понять, что вы видели. Без вашего согласия имя никому не передам. Но обещать, что всегда смогу его скрывать, не буду.

Лев медленно сел обратно.

— Красиво.

— Зато честно.

— У вас это теперь новая стратегия?

Вопрос прозвучал грубее, чем позволяла их короткая связь. Артём почувствовал желание напомнить, кто из них в пятницу промолчал перед начальником. Но Лев пришёл в кофейню после ночной смены. Значит, грубость была частью цены, которую он уже платил.

— Видимо, да, — сказал Артём.

За стеной объявили посадку на автобус до Ржева. Несколько человек поднялись одновременно, потянули чемоданы к выходу. Лев дождался, пока дальний зал опустеет.

— Крыловы были в шестьсот четырнадцатом, — сказал он.

Фамилия прозвучала едва слышно. Артём не переспросил.

— Я видел их не только с вами. Заселение было ночью, недели две с половиной назад. Их привезли на микроавтобусе «Меридиан-Сервиса». Без обычной заявки, без паспортов на стойке. Сафронов сам принёс карточки и сказал провести как техническое размещение.

— Что значит техническое?

— Ничего официального. В программе такого статуса нет. Мы иногда держим номер для подрядчика или сотрудника, пока договор догружается. Обычно несколько часов. Потом заявка появляется, и всё сходится.

— А у Крыловых не появилась?

Лев покачал головой.

— Они были в бумажной ведомости уборки. В списке питания. В таблице трансфера. Но в основной системе — пусто. Я спросил утром, Сафронов сказал не лезть, потому что это люди совета директоров.

— Почему вы не сказали это в пятницу?

— Потому что в пятницу я ещё думал, что смогу остаться.

Он обхватил стакан обеими руками. Ноготь большого пальца был обломан почти до кожи.

— В «Контуре» живут сотрудники компании, — продолжил Лев. — Не только гости. Горничные из регионов, техники, часть администраторов. У меня комната в служебном блоке на втором этаже. Если меня увольняют, выехать надо за три дня. Так написано в дополнительном соглашении.

— Это законно?

— Вы сейчас серьёзно?

Артём кивнул. Вопрос действительно был неправильным. Он просил Льва оценить юридическую конструкцию в момент, когда тот боялся оказаться на улице.

— Я не знаю, — сказал Артём. — И не буду делать вид, что знаю.

— У меня испытательный срок закончился месяц назад. Зарплату подняли, комнату оставили. Я мать перевёз на лечение, снимаю ей студию. Если потеряю и работу, и жильё, две аренды не потяну. Сафронов это знает.

Теперь его отказ в кабинете выглядел не трусостью, а расчётом с конкретными числами. Три дня, две аренды, одна зарплата. Артём записал их в памяти, но не в тетрадь. Доставать ручку без разрешения казалось почти тем же, что включить диктофон.

— Что изменилось? — спросил он.

— Сегодня ночью мне дали на подпись объяснительную. Будто я оставил вам запасную карту шестого этажа и не проверил маршрут. Только запасная карта по журналу от пятого. Получается, я нарушил инструкцию и ещё выдумываю, где работал.

— Подписали?

— Написал, что не согласен. Тогда Сафронов велел переписать до конца смены.

— Переписали?

— Нет пока.

Лев достал из кармана сложенный лист, но не передал. На вид это была обычная распечатка с двумя абзацами и местом для подписи.

— Можно посмотреть?

— Нет.

— Сфотографировать без имени?

— Нет.

Лев убрал лист обратно.

— Я пришёл сказать, что вы не придумали стариков. Не давать вам бумагу, после которой меня выгонят сегодня.

— Понял.

Артём произнёс это без попытки торговаться. Внутри всё равно возникла злость: свидетель сидел напротив, подтверждение лежало в его кармане, а доказательства снова оставались в чужом распоряжении. Но Лев не был обязан спасать Артёма ценой своей комнаты.

— Вы говорили с Крыловыми? — спросил Артём.

— С Виктором Сергеевичем. Он спускался ночью за кипятком, потому что чайник не работал. Потом ещё раз три. Алла Петровна почти не выходила. Ей тяжело ходить.

— Фамилии и отчества откуда?

— Он представился. А её называл сам.

— Вы видели документы?

— Нет.

— Кто приносил питание?

— Ночная кухня оставляла пакет у служебного лифта. Забирал кто-то из размещения.

Иногда я.

— Кто ещё мог их видеть?

Лев посмотрел на часы над баром.

— Горничная Нина. Техник Дамир менял чайник. Водитель микроавтобуса. Но вы к ним не ходите.

— Почему?

— Потому что после вашего пятничного возвращения Нину перевели в другой корпус, Дамир вчера уволился, а водитель не наш. В заявке стояло только «транспорт подрядчика».

— Дамир уволился сам?

— В системе — по соглашению. Он не отвечает.

Кофейня наполнялась. Женщина с дорожной подушкой заняла соседний стол и включила новости без наушников. Лев опустил голову.

— В пятницу, когда я вернулся, номер уже был пуст, — сказал Артём. — Как вещи могли убрать так быстро?

— Не знаю.

— Вы уходили со стойки?

— На семь минут. Меня вызвали к терминалу парковки. Когда вернулся, Сафронов уже был в лобби.

— Кто вызвал?

— Охрана. Терминал работал нормально.

— Камеры служебного лифта?

— В архиве был провал. Мне сказали, перезагрузка.

Шесть минут в плане появятся позже, подумал Артём, но пока у него были семь минут со слов испуганного администратора. Он не стал округлять одно до другого.

— Карточка без имени, — сказал он. — Вы видели её до нашего прихода?

Лев потёр лоб.

— Такие лежат в комплекте заселения. Штамп «Меридиан-Сервиса» ставят на временные карточки, когда договор ещё не пришёл. Но обычно там хотя бы номер комнаты и дата.

— В пятницу вы видели, как я положил её в прозрачный карман?

— Да.

— А потом?

— Потом вы ушли. Ева осталась в номере минуты на две. Я ждал в коридоре. Она вышла одна и сказала, что жильцы собираются.

Артём почувствовал, как ладони становятся холодными.

— Одна? Крыловы остались внутри?

— Я их больше не видел.

— Почему раньше вы не сказали про Еву?

— Вы не спрашивали.

— Она могла забрать карточку из моего кармана?

— Откуда я знаю? Папка была у вас.

Лев впервые повысил голос. Женщина за соседним столом посмотрела в их сторону. Они замолчали, пока она снова не повернулась к экрану.

— Простите, — сказал Артём. — Я опять прошу вас превратить наблюдение в вывод.

Лев посмотрел на него с недоверием.

— Марина так говорит.

Имя прозвучало слишком отчётливо.

— Что именно?

— Про наблюдения и выводы. Она проводила нам обучение прошлой осенью. Конфликтные гости, фиксация событий. Всё время повторяла: отдельно факт, отдельно интерпретация.

Артём не знал об этом. Марина работала с управляющими компаниями и могла обучать кого угодно. «Контур» был крупным объектом. Совпадение не требовалось прятать, чтобы оно стало важным.

— Вы знакомы с ней лично?

— Она была два дня. Разбирала кейсы со стойкой, потом сидела у Сафронова. Нас представили.

— В пятницу вы её узнали?

— Когда она приехала к вам — да.

— Почему не показали?

— А что я должен был показать? Радость?

— Она подходила к стойке без меня?

Лев снова посмотрел на часы.

— Я не хочу про неё говорить.

— Это потому, что вы чего-то боитесь или потому, что нечего сказать?

— Вот поэтому я не хотел встречаться.

Он встал, на этот раз окончательно. Артём остался сидеть.

— Я не пойду за вами, — сказал он. — Но ответьте на один вопрос: Крыловы были в 614, когда я пришёл с Евой?

Лев застегнул толстовку до горла.

— Были.

— Вы готовы повторить это при ком-то ещё?

— Нет.

— Даже без записи?

— Я уже повторил вам. Этого хватит, чтобы вы поняли: вы не сумасшедший. Для остальных ищите бумагу.

Он направился к выходу, но у двери остановился.

— Не звоните мне сегодня. У Сафронова доступ к детализации служебных номеров. И не приезжайте в отель.

— Когда можно связаться?

— Я сам.

Лев вышел на улицу и смешался с пассажирами утреннего автобуса.

Артём подождал десять минут. Стакан, купленный Львом, остыл нетронутым. В тетради он записал разговор по памяти, начиная каждую строку либо словами «Лев сказал», либо «я понял». Вторая формулировка встречалась чаще, чем хотелось.

В 06:46 на старый телефон пришло письмо с корпоративного адреса «Контур»: показ апартаментов на шестом этаже переносился на 08:30 по просьбе собственника. В копии стояли Ева, Сафронов и Марина.

Показа в календаре не было.

Через минуту Марина ответила всем: «Буду».

Артём позвонил ей из кофейни.

— Ты знала об осмотре? — спросил он без приветствия.

— Только увидела письмо. Я думала, это шанс зафиксировать состояние номера при всех.

— Кто попросил тебя приехать?

— Никто. Я в копии.

— Почему ты ответила, не спросив меня?

— Потому что кто-то должен появиться вовремя.

Фраза попала точно в место, которое уже болело.

— Не приезжай от моего имени.

— Я и не собиралась от твоего. У меня старый договор с управляющей компанией, я могу присутствовать как консультант.

— Ты проводила обучение в «Контуре»?

На линии стало тихо.

— Проводила. Кажется, я говорила.

— Нет.

— Тогда не говорила. Артём, у меня десятки объектов.

— Два дня обучения и встреча с Сафроновым — это просто один из десятков?

— Откуда ты сейчас берёшь вопросы?

Он не ответил. Даже отрицание выдало бы Льва.

— В письме предлагается показ через полтора часа, — сказала Марина. — Если это подмена, нам выгодно прийти. Возьми независимую камеру, позови нотариуса, кого хочешь.

— Я не поеду на встречу, которой не назначал, пока не получу исходный запрос собственника.

— Тогда они напишут, что ты сорвал показ.

— Пусть сначала подтвердят, кто заказчик.

— Ты отдаёшь им инициативу.

— Нет. Я отказываюсь идти по присланному маршруту.

Марина отключилась не попрощавшись.

Артём переслал письмо своему рабочему юристу и попросил проверить заголовки, полномочия отправителя и основание показа. Затем ответил всей цепочке: «Прошу предоставить исходную заявку собственника и подтвердить полномочия участников. До получения подтверждения не считаю показ согласованным. Прошу не представлять Марину Левину как моего представителя».

Ева не ответила. Сафронов тоже.

В семь двадцать Артём вернулся домой и отменил отложенное письмо Ирине. Вместо него отправил новое, короче: «Вернулся. Встречался с сотрудником отеля. Он подтвердил, что видел жильцов, но не готов говорить официально. Сегодня в шесть созвон по плану». Это сообщение было неприятно точным. Оно не позволяло позже превратить Льва в полноценного свидетеля, если тот им не стал.

В 08:12 ответил юрист. Заголовки письма выглядели обычными, но установить инициатора без доступа к системе было нельзя. Он советовал запросить номер заявки и не посещать объект в одиночку.

В 08:27 Марина прислала фотографию двери 614. На листе бумаги, приклеенном скотчем, было написано: «Осмотр отменён представителем продавца А. Гориным».

— Ты всё-таки приехала, — сказал Артём, когда она взяла трубку.

— Да.

— Кто ещё там?

— Сафронов, сотрудник безопасности и женщина из юридического отдела. Евы нет.

— Собственник?

— Нет.

— Тогда это не показ.

— Я знаю. Поэтому и отправила фото.

— Не снимай ничего от моего имени и не подписывай.

— Я не ребёнок.

— И не мой представитель.

Она вздохнула.

— Хорошо. Но ты должен увидеть, что они делают. Табличку повесили до назначенного времени. Они создают запись, будто ты отказался на месте.

— Сними общий коридор с часами и пришли исходный файл.

— Уже.

Помощь снова оказалась полезной. Именно это делало её опасной для оценки. Если Марина была частью происходящего, она не обязана была лгать во всём. Наоборот, правдивые детали давали ей право выбирать, какие выводы Артём сделает дальше.

В 08:34 позвонил Сафронов.

— Артём Сергеевич, мы вас ждём, — сказал он бодро. — Все собрались.

— Назовите номер заявки собственника.

— У нас оперативное согласование.

— Кто собственник, от имени которого оно поступило?

— Вы прекрасно знаете структуру владения объектом.

— Тогда пришлите основание письменно.

— Марина Андреевна уже здесь и подтверждает, что вы уведомлены.

Артём включил громкую связь и запись, предупредив об этом.

— Марина Левина не мой представитель. Я письменно сообщил это до назначенного времени.

— То есть вы отказываетесь?

— Я не подтверждал встречу. Пришлите заявку.

— Зафиксируем отсутствие.

— Зафиксируйте также мой запрос.

Сафронов понизил голос:

— Вы втягиваете сотрудников в неприятную историю. Молодых, неопытных. Они ошибаются, а потом им приходится отвечать за ваши решения.

Лев не называл объяснительную при Сафронове. Артём почувствовал, как эта связь замыкается слишком легко. Возможно, начальник говорил о любом администраторе. Возможно, знал о встрече. Возможно, просто бросал приманку.

— О каких сотрудниках речь?

— О тех, кто выдаёт карты без проверки.

— Назовите имя.

— Всё будет в служебном заключении.

Сафронов завершил звонок.

В 08:41 Лев прислал одно сообщение: «Зачем вы ей сказали?»

Артём ответил: «Ничего о встрече и ваших словах не сообщал».

Сообщение осталось непрочитанным.

В десять утра он всё же приехал к «Контуру» — не внутрь, а в кафе напротив, откуда был виден служебный вход. Это решение нарушало просьбу Льва не приезжать, и Артём не придумывал ему оправдания. Он хотел увидеть, выйдет ли администратор после смены, и тем самым снова ставил собственную потребность выше чужого предупреждения.

В 10:18 из служебной двери вышли Лев и Сафронов.

Лев был без толстовки, в одной форменной рубашке. Сафронов нёс прозрачную папку. Они остановились под козырьком. Артём видел их через две полосы движения и мокрое стекло.

Сафронов что-то сказал и протянул лист. Лев прочитал, не взял ручку. Затем посмотрел через дорогу прямо на окно кафе.

Артём не мог знать, увидел ли тот его. Но лицо Льва изменилось.

Сафронов проследил за взглядом и тоже повернулся.

Через три минуты они вошли в кафе.

Артём успел убрать тетрадь, но не ушёл. Бежать означало бы подтвердить не вину, а слабость позиции. Это была плохая причина остаться, и он всё равно остался.

— Вот вы где, — сказал Сафронов. — А мы думали, не приехали.

Он сел без приглашения. Лев остался стоять.

— У нас с Львом Сергеевичем рабочий разговор, — продолжил Сафронов. — Раз уж вы здесь, можно устранить недоразумение. Вы получали у него карту шестого этажа в пятницу?

Лев смотрел не на Артёма, а на край стола.

— Вопрос задан мне? — уточнил Артём.

— Вам обоим.

— Тогда мой ответ: карту из подписанного конверта передал Лев. На ней было указано 614. Позже номер и записи изменились. Я не могу подтвердить, кто и когда их изменил.

Сафронов улыбнулся.

— Видите, Лев? Даже Артём Сергеевич не обвиняет вас.

— Я не говорил, что Лев изменил записи.

— А что скажете вы? — спросил Сафронов у администратора.

Лев поднял глаза. В них не было просьбы о помощи. Только предупреждение, уже опоздавшее.

— Я выдал карту демонстрационного фонда пятого этажа, — сказал он. — Других карт не выдавал. Жильцов в 614 не видел.

Каждое слово было произнесено ровно. Не так, как в кофейне у автовокзала.

Сафронов положил перед ним ручку.

— Вот и хорошо. Подпишите исправленную версию.

Лев взял ручку. Его рука дрожала, но подпись получилась быстрой.

Артём мог сказать: «В шесть утра вы рассказывали другое». Мог потребовать повторить имена Крыловых, бумажную ведомость, сломанный чайник. Тогда Сафронов узнал бы всё, что Лев попытался сохранить. Слова не превратились бы в доказательство; они превратились бы в повод выселить его сегодня.

Артём промолчал.

Сафронов забрал лист в прозрачную папку.

— Благодарю за сотрудничество, — сказал он обоим. — Артём Сергеевич, вам стоит внимательнее выбирать людей, которых вы делаете участниками своих версий.

Они ушли вместе. У двери Лев на секунду задержался, будто хотел обернуться, но Сафронов придержал ему створку.

На столе остался круг от стакана. Артём провёл по нему салфеткой и записал время встречи. Затем добавил: «При Сафронове Лев отказался от утренних слов. Я не раскрыл содержание разговора».

Его единственный человеческий свидетель существовал теперь в двух несовместимых версиях. Одна была сказана шёпотом без записи. Другая лежала в прозрачной папке с подписью.

И всё же между ними появилась разница, которую нельзя было стереть одной правкой журнала: Артём знал цену второй версии.

Не правду — пока только цену.

Глава 8. Пятый этаж

К одиннадцати утра на столе у Артёма лежали три листа: заявка собственника, маршрут осмотра и список участников. Он распечатал их в копировальном центре, потому что письмо на экране больше не считал основанием для поездки.

Заявка имела номер. В ней стояли дата, время и единственный апартамент — 527. От имени собственника должен был присутствовать юрист Дмитрий Роцин, которого Артём знал по двум прежним сделкам. Покупателя не было: осмотр заказывали для оценки состояния перед включением помещения в общий лот. Маршрут начинался в лобби и заканчивался там же. Отдельной строкой было написано: «Сотрудники управляющей организации не вправе менять объект осмотра без новой заявки».

Артём дважды позвонил Роцину: сначала по номеру из письма, затем по старому номеру из своей записной книжки. Голос ответил один и тот же. Они договорились встретиться не у стойки, а в кафе через дорогу и вместе пройти к «Контур».

— Вы теперь каждого участника сверяете по двум каналам? — спросил Роцин, увидев на столе распечатки.

— Пока да.

— Что случилось?

— В документах по прошлому показу возникли расхождения. Я не хочу переносить спор на сегодняшний осмотр.

Роцин поправил очки. Ему было около пятидесяти, и он обладал редкой профессиональной способностью не заполнять паузу собственной догадкой.

— Мне сообщили, что вы перепутали этажи.

— Кто сообщил?

— Сафронов. В копии была Левина.

— Марина не представляет меня.

— Я это видел в вашей вчерашней переписке.

Артём положил перед ним маршрут.

— Сегодня мы идём только в 527. Если на стойке предложат другой номер, просим письменное изменение от собственника. Если не дадут, уходим. Я буду снимать состояние на отдельную камеру. Вы не возражаете?

— При условии, что люди в кадр не попадут без согласия.

— Согласен.

— И ещё, Артём Сергеевич. Я удостоверяю то, что вижу сам. Не то, что вы видели в прошлый раз.

— Именно поэтому я вас и жду.

Они подписали на полях по одному экземпляру маршрута и поставили время — 11:08. Это не превращало бумагу в непогрешимое доказательство. Зато теперь изменение пути требовало поступка при другом человеке.

У входа в «Контур» Артём включил маленькую камеру. Снял фасад, часы на телефоне Роцина, номер заявки и запечатанный конверт с гостевой картой. Конверт Роцин получил утром в офисе собственника и не выпускал из портфеля до встречи.

На стойке работала незнакомая девушка. Табличка сообщала имя: Полина.

— Осмотр 527, — сказал Роцин и показал заявку.

Полина провела картой по считывателю. Экран отозвался коротким писком.

— У вас пятый этаж, верно. Сопровождающий сейчас подойдёт.

— Кто?

— Олег Павлович.

Роцин посмотрел на Артёма. Тот не выключил камеру.

— В заявке сопровождение управляющей организации не указано, — сказал Роцин. — Мы можем пройти сами.

— Мне велели не отпускать вас без сотрудника.

— Кем велено?

Полина перестала улыбаться.

— Руководителем смены.

— Запишите его фамилию на копии заявки, пожалуйста.

Она потянулась к телефону. Через стеклянную дверь служебного коридора появился Сафронов. На нём был тот же тёмный костюм, но без прозрачной папки.

— Артём Сергеевич, — сказал он, словно вчера они расстались добрыми знакомыми. — Рад, что сегодня вы всё-таки решили исполнить обязательства.

— Сегодня есть подтверждённая заявка.

— Вчера она тоже была.

— Предоставьте её номер, и я приложу к переписке.

Сафронов посмотрел на камеру.

— Съёмка общих зон запрещена внутренними правилами.

Роцин протянул ему копию заявки.

— Покажите правило и полномочие собственника, которым оно утверждено. Мы прекратим съёмку, если запрет применим к участникам осмотра.

Сафронов не взял лист.

— Вы пришли смотреть номер или устраивать проверку?

— Номер, — ответил Артём. — Пятьсот двадцать седьмой.

— Тогда не будем тратить время.

Он приложил свою карту к турникету. Полина вернула конверт Роцину, но тот не вскрыл его.

— Мы воспользуемся своей картой, — сказал он.

Сафронов чуть заметно пожал плечами.

В лифте Артём снял одним кадром кнопку пятого этажа и нераспечатанный конверт. На четвёртом кабина остановилась, хотя никто не вызывал лифт. Двери открылись на пустой коридор, постояли несколько секунд и закрылись.

— Бывает, — сказал Сафронов.

— Бывает, — согласился Артём.

Он не стал превращать обычный сбой в знак. Камера продолжала записывать.

Пятый этаж отличался от шестого только цветом ковра. Здесь по серому полю шла тонкая синяя полоса, обрываясь у дверей хозяйственных помещений. Номера 512 и 518, которые называла Ева, были в левом крыле. 527 находился справа, почти у пожарной лестницы.

Роцин остановился перед дверью и показал в камеру номер. Вскрыл конверт. Внутри лежала карта с напечатанными цифрами «527», датой и подписью сотрудника офиса собственника.

— Готовы? — спросил он.

Артём кивнул.

Карта сработала с первого раза.

В прихожей горел свет.

Не автоматический: выключатель у двери был нажат вниз. На крючке висел серый плащ, под ним стояли резиновые ботинки тридцать восьмого или тридцать девятого размера. На узкой полке лежали связка ключей с красным пластиковым брелоком и сложенный вчетверо проездной чек.

Сафронов шагнул вперёд.

— Стойте, — сказал Артём.

Тот остановился уже на пороге комнаты.

— Что?

— Здесь чьи-то вещи.

— Остаточное имущество. Номер готовят к очистке.

Из ванной донёсся гул вытяжки. Потом зашумела вода.

Рошин поднял ладонь, останавливая всех.

— В помещении человек?

Сафронов повысил голос:

— Служба эксплуатации! Осмотр помещения!

Вода прекратилась. Несколько секунд никто не отвечал. Затем дверь ванной приоткрылась, и наружу выглянула женщина лет тридцати пяти в синей футболке с эмблемой «Меридиан-Сервиса». Волосы были собраны влажными руками, на запястье оставалась мыльная пена.

— Вы кто? — спросила она.

Сафронов заслонил её от камеры.

— Камеру выключите. Немедленно.

Артём отвёл объектив в пол, но запись не остановил.

— Лица в кадре нет, — сказал он.

— Тамара, почему вы здесь?

Женщина посмотрела на Сафронова, потом на чужие туфли в прихожей.

— Живу.

— Вас выселили восьмого числа.

— Меня сняли со смен, а выселить обещали после расчёта.

— В системе вы выехали.

— Я никуда не выезжала.

Слово «система» прозвучало не как доказательство, а как приказ действительности исправиться.

Рошин первым вышел в коридор.

— Осмотр прекращён, — сказал он. — Номер занят. Я фиксирую невозможность доступа по причине нахождения проживающего.

— Она не проживающая, — возразил Сафронов. — Бывшая сотрудница самовольно проникла в подготовленный номер.

Тамара вышла из ванной, вытирая руки о футболку. Теперь Артём видел, что на ней рабочие брюки, а на ногах — гостиничные тапочки.

— Через дверь с картой я проникла? — спросила она. — Или по стене?

— Кто выдал вам карту?

— Ту же оставили. Сказали, до понедельника можно.

— Кто сказал?

Она закрыла рот. Вопрос Сафронова был не приглашением вспомнить, а предупреждением выбрать безопасный ответ.

Артём стоял у порога и смотрел только туда, куда уже имел право смотреть. За женщиной виднелась часть комнаты: раскрытый чемодан, форма на спинке стула, две чашки на сушильном коврике, упаковка дешёвых макарон, детский рисунок, приклеенный магнитом к металлической панели мини-кухни. На кровати лежала раскрытая книга лицом вниз. Это не были забытые вещи после выезда. Вещи участвовали в сегодняшнем дне.

Он вспомнил тележку Крыловых, зелёный абажур, лекарства Аллы. Тогда комната тоже выглядела не как склад оставленного имущества, а как продолжение чьей-то жизни. За два часа это продолжение превратили в ошибку его памяти.

— Тамара, — сказал он, не поднимая камеры, — вы согласны назвать полное имя для акта об остановке осмотра?

— Не отвечайте, — быстро произнёс Сафронов. — Этот человек не представляет работодателя.

— Я и не представляю. Поэтому спрашиваю согласие.

Женщина оглянулась на комнату.

— Тамара Рябинина. Горничная. Пока ещё.

Фамилия ударила не узнаванием, а несовпадением. Лев называл Нину, переведённую после пятницы в другой корпус. Это была другая сотрудница. Значит, Артём не нашёл случайно ту самую нитку. Он увидел способ, которым «Контур» обращался с людьми, не помещавшимися в центральную базу.

— Когда вы последний раз ночевали здесь? — спросил Рошин.

— Сегодня. И вчера. Я здесь с конца августа.

— У вас есть письменное основание проживания?

— Было направление в телефоне. Потом пропало из приложения. Мне сказали, бумагу дадут при расчёте.

Сафронов шагнул к ней.

— Выйдем и обсудим без посторонних.

Тамара отступила внутрь.

— Я оденусь.

— Сейчас.

— Она сказала, что оденется, — вмешался Рошин. — Мы ждём в коридоре.

На лице Сафронова впервые исчезла вежливость. Он посмотрел на юриста так, будто только сейчас признал в нём препятствие.

— У вас нет полномочий регулировать отношения с персоналом.

— Верно. Но я участник осмотра занятого жилого помещения и не намерен присутствовать при вашем требовании немедленно выйти из ванной в рабочей одежде. Мы ждём снаружи.

Артём вышел вслед за ним. Дверь осталась приоткрыта. Сафронов задержался внутри на две секунды дольше, затем тоже появился в коридоре.

— Передайте карту, — сказал он Рошину.

— Карта выдана собственником.

— Она открыла помещение, которое не должно было открывать.

— Это будет указано в акте.

— Номер числится свободным.

— Это тоже.

Рошин достал блокнот и начал писать от руки. Артём снял часы на стене: 11:32. Затем дверь, номер, обувь в прихожей и край серого плаща — без лица и без внутренней части комнаты.

— Вы же понимаете, что она могла войти перед нами, — тихо сказал Сафронов.

— Как? — спросил Артём.

— Служебным ходом.

— Покажите служебный ход в 527.

— У персонала есть маршруты, о которых вы не знаете.

— Тогда укажите это в акте и покажите маршрут Рошину.

— Я не обязан раскрывать устройство объекта риелтору.

— Значит, не будем делать вывод.

Фраза принадлежала Марине. Артём услышал её голос так ясно, будто она стояла рядом: отдельно наблюдение, отдельно интерпретация. Полезное правило не становилось ложным оттого, что им пользовался человек с собственным замыслом.

Тамара вышла через пять минут в джинсах и свитере. В руках у неё были телефон и прозрачная папка с документами. Чемодан она не собирала.

— Я хочу позвонить в отдел кадров, — сказала она.

— Позвоните из служебной комнаты, — предложил Сафронов.

— Нет. Здесь.

Он протянул руку к её телефону, будто хотел увидеть номер. Тамара прижала аппарат к груди.

— Не трогайте.

Сафронов опустил руку.

— Никто вас не трогает. Я пытаюсь помочь решить нарушение без охраны.

— Охрану вы вчера уже присылали. Они сказали ждать понедельника.

— Кто именно?

— Смена Кондратьева.

— Фамилия?

— Это фамилия.

Роцин записал её слова и попросил повторить даты. Тамара сказала, что работала в «Кон-туре» по договору с подрядчиком «Меридиан-Сервис». Восьмого числа её карту сотрудника заблокировали после спора о недостатке белья, но гостевая карта от 527 продолжила действовать. Расчёт и бумажное уведомление она не получила. Ей велели оставаться до разговора с представителем подрядчика в понедельник. Кто велел, при Сафронове она не сказала.

Сегодня было пятнадцатое. По системе, со слов Сафронова, Тамара выехала неделю назад.

— Сколько таких комнат? — спросил Артём.

— Не знаю, — ответила она.

— Вы знаете Крыловых?

Сафронов повернулся к нему всем корпусом.

— Это не относится к осмотру.

Тамара тоже посмотрела на Артёма, но её лицо осталось пустым.

— Каких Крыловых?

— Виктора Сергеевича и Аллу Петровну. Они жили в 614.

— Не знаю.

Ответ пришёл слишком быстро или ровно вовремя — Артём уже не доверял способности оценивать такие вещи. Он не повторил вопрос.

Роцин закончил черновик и прочитал вслух: участники прибыли по заявке такой-то; карта из запечатанного конверта открыла 527; в помещении обнаружена Тамара Рябина, назвавшая себя проживающей сотрудницей; осмотр прекращён; Сафронов сообщил, что по центральной системе помещение свободно, а Рябина выселена восьмого числа; сама Рябина это отрицает и заявляет, что ночевала в номере сегодня.

— Уберите «проживающей сотрудницей», — потребовал Сафронов. — Она бывшая сотрудница подрядчика.

— Я записал: «назвавшая себя». Вы можете дать письменное замечание.

— Она незаконно находится в номере.

— Основание незаконности мне не представлено.

— Тогда я акт не подпишу.

— Это ваше право.

Тамара прочитала текст дважды. На слове «выселена» её губы дрогнули.

— Если подпишу, меня сегодня выгонят?

Роцин не стал утешать.

— Я не могу предсказать действия управляющей компании или подрядчика. Подпись подтвердит только ваши слова и факт присутствия.

— А если не подпишу?

— Мы всё равно укажем, что встретили вас. Господин Горин ведёт запись, на которой ваше лицо не снималось после просьбы прекратить съёмку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.